

Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
NN 9–10 (54–55)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Дызайн, вёрстка
Наталля Гарбунова,
Цімафей Нявінскі

Фота
Юрый Дзядзінкін
Уладзімір Дзюба,
Photo.bymedia.net

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 20.12.2006 г.
Дата выхаду 27.12.2006 г.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 300 асобнікаў. Заказ N
282.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
e-mail: baj@baj.ru,
press@baj.ru
<http://www.baj.ru>

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП N 02330/0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць за пад-
бор і дакладнасць фактаў, прывед-
зеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэ-
рыялы ў парадку абмеркавання,
не падзяляючы пункту гледжання
аўтараў.

Игра в дурака, или Свобода выбора по-белорусски	2
«Мы не згодны, каб з журналістаў рабілі ідэалагічны спецназ»	3
К сердцу прижмет? К черту пошлет?	7
Гибель Богинь	11
Штурм Соловецкого Камня.	14
День светлого будущего	16
Безвременье	18
Деды	23
Фоторазворот «Вечарына стагоддзя «Нашай Нівы»	28
Гарадзенская пустэча.	30
«Государственные СМИ не могут претендовать на доверие людей»	33
Першы блін усё ж падкамячыўся	36
Новая Беларусь: опыт социальной стратификации.	39
Рассуждения на тему.	43
Профессиональное общение журналиста	47
«Проклятые стихи»	50
Неизвестное об известных.	52
Непокорность судьбе — в крови.	53
Романтическая война	59

ИГРА В ДУРАКА, ИЛИ СВОБОДА ВЫБОРА ПО-БЕЛОРУССКИ

«Остап Бендер знал сто относительно честных способов отъема денег у населения. Прокурор придумал сто первый, пафосно назвав его спором хозяйствующих субъектов».

Этот анекдот вспоминается, когда знакомишься с очередным отказом включить в подписной каталог очередное независимое издание. Деньги отнимают, естественно, у

Мотивировка отказов прямолинейна, как лом. Государственные структуры ссылаются на статью 391 Гражданского кодекса, которая гласит, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора, а по-нуждение к заключению договора, по общему правилу, не допускается. Резюме: *«Поскольку обязанность по включению печатного издания в каталог не предусмотрена законодательством, выбор печатных изданий для формирования каталога с целью последующего их распространения через подписку является правом РУП «Белпочта».* Это — из ответа «Товарищу», который почте совсем не товарищ. Надо понимать, что «Белпочта» по собственному усмотрению может определять, какие издания распространять по подписке, а какие — нет. Вот она, свобода! Свобода заключения договора. Свобода по-белорусски.

Читатель может писать хоть в жалобную книгу, хоть в суд, хоть в ООН. Его ссылки на то, что услуги связи осуществляются на основании публичного договора (а значит, почта должна оказывать их каждому, кто к ней обратится), легко парируются. Мол, да, распростра-

нение газет по подписке относится к услугам связи, но вам ведь никто и не мешает подписываться. Но — только на те издания, которые выберем для вас мы. Потому что договора почты с редакциями к публичным не относятся, и с кем их заключать, а с кем — нет, чьи газеты включать в каталог, а чьи — из него выбрасывать, дело наше.

Правда, дюже грамотные могут на это возразить: «Позвольте, а вот в законе «О почтовой связи» указывается, что почтовая связь общего пользования — это вид связи, обеспечивающий, среди прочего, распространение печатных средств массовой информации. Написано: «обеспечивающий», и нигде не сказано, что это касается только тех СМИ, которые выберет «Белпочта»! А в другом определении говорится, что в услуги почтовой связи входит *«деятельность по приему, обработке, хранению, перевозке, доставке... печатных СМИ».* Речь идет о СМИ вообще, без каких-либо изъятий, а не «избранных». Причем избранных кем-то, но не нами».

Ответов пока нет. Возможно, его дадут суды. Если только не откажутся рассматривать иски потенциальных подписчиков,

Андрей БАСТУНЕЦ

как сделали это в прошлом году.

Очень любопытен задний фон действия. Сначала распространение газет по подписке объявили лицензируемым видом деятельности, потом отказались выдавать лицензии большинству обратившихся за ними демократических изданий, а затем перестали принимать на них подписку.

А ведь независимую прессу распространяли по тарифам, значительно превышающим аналогичные тарифы для государственных газет! Сколько с этим боролись — и вот результат? Что же, почта деньги стали не нужны?

Это вряд ли.

Похоже, у нашей власти каждая рука очень хорошо знает, что делают остальные. (Этакая богиня Шива — образ вполне подходящий для замены привычного президентского ствола с ветвями-обрубками.) Главное — сохранять невозмутимость при цитировании законов. Так невозмутим профессиональный шулер при раздаче карт. Крапленых. Игра такая, в дурака. С заведомым результатом.

Если так, то хотелось бы напомнить, что шулерам рано или поздно бьют морду лица (того самого, невозмутимого).

По поводу последнего предложения лингвистам в штатском просьба не беспокоить (ся). Его следует понимать не буквально, а фигурально. Это не экстремистский призыв и не подстрекательство к хулиганским выходкам (и без того в независимой журналистской среде, если верить судебной

статистике, сплошь хулиганье да матерщинники), а образное выражение, находящееся в одном смысловом ряду с (и)народным: «Сколько веревочке не виться...» — и хрестоматийным: «Но есть и Божий суд!»

Аминь.

— Мы не згодны, каб з журналістаў рабілі ідэалагічны спецназ...

Бадай, для многіх стала шокам абнародаваная нядаўна інфармацыя: у Беларусі засталася толькі некалькі дзесяткаў незалежных выданняў грамадска-палітычнага характару.

Сапраўды, здаецца, што абсяг свабоды слова ў краіне сціснуўся дарэшты. Але Жанна Літвіна, старшыня Грамадскай арганізацыі «Беларуская асацыяцыя журналістаў», не лічыць, што сітуацыя тупіковая. На яе думку, спакваля фармуюцца новыя плыні незалежнага інфармавання нашага грамадства. Рана ці позна яны абавязкова

— Ужо амаль год прайшоў з таго часу, як чарговая хваля рэпрэсій «вымыла» амаль усю незалежную прэсу з падкантрольнай дзяржаве сістэмы друку ды распаўсюду. Рэдактары пратэставалі, пісалі лісты, у тым ліку і на самы верх, але іх просьбы і патрабаванні былі зноў праігнараваны. Дык як жыць далей тым, хто не згодны працаваць паводле загадаў ідэалагічнай вертыкалі?

— Найперш — трымацца праўды. Па-другое, як бы цяжка ні было, нельга імкнуцца дагаджаць уладам.

Бяруся сцвярджаць, што незалежныя СМІ да сённяшняга дня з'яўляюцца хай не такім і ўплывовым, але ўсё ж механізмам кантролю грамадства над дзейнасцю ўлады, трыбунай дзеля выказвання

розных поглядаў. Таму і стаўленне ўлады да недзяржаўнай прэсы апошнія дзесяць гадоў вызначаецца бескампраміснасцю і нават жорсткасцю.

Не сталі выключэннем і апошнія прэзідэнцкія выбары. Барацьба з апанентамі, апазіцыяй вызначыла палітыку і ў дачыненні да медыяў. Усё было падначалена мэце татальнага кантролю над сродкамі масавай інфармацыі. І прэса стала закладніцай палітычнай сітуацыі...

— Але ж улада звычайна адмяжоўваецца ад уціску прэсы. Кажы, што гэта стасункі гаспадарчых суб'ектаў. Маўляў, друкарні, пошта, саюздрукі маюць поўнае права скасоўваць нявыгадныя для іх дамовы. Спасылаюцца на нейкія вялікія «адсоткі

спісання» накладаў і гэтак далей...

— Аргументы, мякка кажучы, несур'ёзныя. Мы відавочна маем справу з узгодненымі і скаардынаванымі дзеяннямі супраць незалежнай прэсы з боку розных галінаў улады, дзяржаўных прадпрыемстваў-манапалістаў, якія займаюцца распаўсюдам выданняў.

Напрыклад, «Белпошта», займаючы манапольнае становішча на рынку паслуг паштовай сувязі, адмовілася супрацоўнічаць амаль з паловай незалежных газет грамадска-палітычнага зместу. Сярод іх — агульнанацыянальныя выданні «Народная воля», «Наша Ніва», «Товарищ», «Свободные новости плюс». У каталог таксама не ўключана каля дзе-

сятка рэгіянальных недзяржаўных газет: «Брестский курьер», «Витебский курьер», «Борисовские новости», «Газета Слонимская», баранавіцкая «Intex-press», пінскі тыднёвік «Мясцовы час» і іншыя. Гэтыя выданні пазбаўлены магчымасці даходзіць да сваіх чытачоў праз падпіску.

У адказ на патрабаванні і рэдакцый, і чытачоў уключыць газеты ў падпісны каталог на першае паўгоддзе 2007 года кіраўніцтва «Белпошты» ўпарта сцвярджае, што «абавязак па ўнясенні друкаванага выдання ў каталог не прадугледжаны

заканадаўствам, выбар друкаваных выданняў для фармавання каталогу з мэтай наступнага іх распаўсюду праз падпіску з'яўляецца правам РУП «Белпошта», якое рэалізуецца ім у адпаведнасці з законам».

Таксама нядаўна «Белсаюздрук» скасаваў дамову на распаўсюд газеты «Вестник культуры», якую рэдагуе вядомы драматург Андрэй Курэйчык. У лісце патлумачылі, што гэта стратная справа, і ўрон дасягае — страшна падумаць! — 1 900 рублёў на месяц. Амаль што цэлы долар! Рэдакцыя была гатовая цалкам кампенсаваць страты, але «Белсаюздрук» ад гэтага катэгарычна адмовіўся. Зразумела, што не эканамічнымі прычынамі прадываванае гэтае рашэнне.

Калі чыноўнікі кажуць, што недзяржаўная прэса гібее таму, што нецікавая і не мае добрага менеджменту, то я ўспрымаю гэта як цынізм і абразу тых таленавітых, самаахвярных людзей, чыімі высілкамі трымаецца бастыён незалежных СМІ.

А тым, хто наіўна верыць, што блуканне па пакутах «На-

шай Нівы», «Народнай волі», «Товарища» ды іншых недзяржаўных выданняў ёсць вынікам «гаспадарчых дачыненняў», раю ўважліва пачытаць самую важную дзяржаўную газету. Там нядаўна з'явіўся вялікі артыкул Анатоля Рубінава, першага намесніка кіраўніка Адміністрацыі прэзідэнта. Галоўная думка палягае ў тым, што зашмат дэмакратыі і

Жанна ЛІТВИНА, старшыня ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

свабоды (у тым ліку свабоды медыяў) беларусам даваць не варта, бо гэта зашкодзіць славаўтай стабільнасці.

Прабачце, а хто будзе значаць «дозу»? Чыноўнік? Такім чынам, улада спрабуе канцэптуальна абгрунтаваць уціск правоў ды свабодаў. І сама прызнае, што гэта ёсць асэнсаванай палітыкай, ідэалагічнай устаноўкай.

— Дык што, тупік? Адзін з нашых калег выказаўся ў тым сэнсе, што мы наогул перажываем крызіс бачання пер-

спектыў незалежных СМІ. Ён мае рацыю?

— Не, пры ўсіх цяжкасцях я не лічу сітуацыю тупіковай. У БАЖа ёсць бачанне перспектывы, тых кірункаў, па якіх трэба развіваць незалежнае інфармаванне нашага грамадства.

З аднаго боку, варта пры любой нагодзе ўвесць час нагадаваць грамадству і ўладам, што, адстойваючы сваё права на прафесію, мы баронім канстытуцыйнае права нашых людзей на атрыманне поўнай, праўдзівай і своечасовай інфармацыі, а таксама на свабоду думкі і выказванняў.

З іншага боку, нельга спадзявацца на апеячыю да вярхоў. Трэба выкарыстоўваць і шукаць розныя магчымасці, распрацоўваць і ажыццяўляць комплекс праектаў, незалежных ад той самай улады.

Карацей, сітуацыя з прэсай не закансервавана. На шчасце, яна развіваецца, і не ў тым кірунку, як хацелася б чыноўнікам.

Адзін толькі прыклад: яшчэ пару гадоў таму мы толькі дыскутавалі пра канцэпцыю вяртанне з-за мяжы. Сёння гэта рэальнасць. Паўсталі праекты, у ажыццяўленні якіх удзельнічае новая генерацыя журналістаў. І важна, што гэта робіцца беларусамі для беларусаў.

— Між тым зараз у нашай прафесійнай супольнасці разгарэліся спрэчкі, якой мусіць быць канцэпцыя падтрымкі медыяў. Гучыць, напрыклад, думка, што не варта расцярушваць сродкі на лакальныя праекты, «другародныя» тэматычныя кірункі кшталту экалогіі ці гендэрнай праблематыкі. Трэба, маўляў, сканцэнтравацца на некалькіх буйных праектах агульнаацыянальнага маштабу, бо

толькі яны здольныя выклікаць за непрацяглы час прыкметныя зрухі ў масавай свядомасці. Вы згодны?

— Трэба рэальна глядзець на жыццё. У нашых умовах немагчыма, напрыклад, набыць друкарню, стварыць разгалінаваную сістэму распаўсюду ў маштабах краіны, каб легальным чынам і ў той жа час самастойна паўстала нейкае новае масавае альтэрнатыўнае выданне. А калі, напрыклад, гэта і атрымаецца, то як тую газету распаўсюджваць? Скідаць наклад на парашутах? Зразумела, што гэта

і новы перспектыўны кірунак — інтэрнет.

— *Сапраўды, сёння і ў мас-медыя імкліва развіваюцца новыя тэхналогіі. Становіцца ўсё болей прыкметнай з'явай інтэрнет-журналістыка, набываюць вялікую папулярнасць форумны, блогі. Некаторыя эксперты прадказваюць нават крызіс класічнай журналістыкі, адыход традыцыйных СМІ на другі план. А вы як глядзіце на гэтую экспансію сеціўных жанраў, пашырэнне віртуальнага медыя-абсягу?*

ладзь. Разам з тым, людзі сталага веку, жыхары глыбінкі не гэтак актыўна карыстаюцца камп'ютэрам. Ды і псіхалагічна многія прызвычаліся вымаць газету з паштовай скрыні ці купляць яе ў шапіку — у людзей гэта выклікае большы давер да крыніцы інфармацыі. Дарэчы, з гэтае прычыны не варта пераацэньваць і магчымасці андэграўндавай прэсы.

Што тычыцца феномена грамадзянскай, або народнай, журналістыкі, звязанай менавіта з інтэрнетам, то, безу-

несур'ёзна.

У сённяшняй сітуацыі патрэбны комплексны падыход з элементамі дэцэнтралізацыі. І, падкрэслію, з поглядам у перспектыву.

Пазіцыя БАЖа палягае ў тым, што варта падтрымліваць і традыцыйныя СМІ, і андэграўндную — назавем яе так — прэсу (выданні накладам да 299 асобнікаў), і праекты замежнага вярстання,

— Нашаму грамадству страшэнна нестасе дыскусіі, абмену думкамі. Улада амаль што не дае пляцовак для гэтага. Ну нельга ж усур'ёз лічыць такімі розныя імітацыйныя тэлешоу, калі ў студыі сядзяць толькі апалагеты кіроўнай лініі!

Інтэрнет якраз і стварае новае вымярэнне свабоды слова, абсяг для дыскусій, інструмент зваротнай сувязі. Каштоўна, што аўдыторыя інтэрнету — пераважна мо-

моўна, яна здольная апераць уна ўздымаць важныя тэмы. Але прадказваць у звязку з гэтым заканчэнне эпохі традыцыйнай журналістыкі не варта.

Я ўпэўнена, што як бы ні павялічвалася колькасць сайтаў і блогаў, якасны медыйны прадукт, створаны прафесіяналамі, будзе запатрабаваны заўжды.

Менавіта таму мы імкнемся развіваць сур'ёзныя адука-

цыйныя праграмы. Тут ёсць і прагматычны аспект. Напрыклад, калі журналіст валодае электроннымі тэхналогіямі, у яго значна болей перспектывы на рынку працы і меней шанцаў стаць беспрацоўным.

— *Ёсць і яшчэ адзін аспект дыскусіі ў медыйнай супольнасці. Калі спрашчаць, дык гэдны прапагандуюць «барыкадную» журналістыку ці, калі хочаце, прапаганду з адваротным знакам. Маўляў, клін клінам выбіваюць. А іншыя падкрэсліваюць, што наша задача — найперш адлюстроўваць падзеі, а не ператвараць іх у палымных рэвалюцыйнераў. Што вы думаеце на гэты конт?*

— Упэўнена, што варта праводзіць выразную рысу: вось гэта СМІ з іх традыцыйнымі задачамі, а вось гэта — агітацыйная літаратура, улёткі, розныя палітычныя піяр-праекты... Вобразна кажучы, я — за чысціню жанру. Журналіст мусіць найперш праўдзіва інфармаваць ды грунтоўна аналізаваць.

Натуральна, ён мае права на ўласную пазіцыю. Ён так ці іначэй уцягнуты ў сістэму грамадска-палітычных дачыненняў і з'яўляецца носьбітам пэўных поглядаў. Таму развагі пра нейкую на сто адсоткаў нейтральную журналістыку падаюцца схаластычнымі ці не зусім шчырымі.

Але калі хтосьці з калегаў становіцца палітычным дзеячам альбо піяршчыкам нейкай партыі ці руху, то — мы ведаем прыклады — гэта можа адмоўна адбіцца на яго творчасці ці нават на абліччы цэлага выдання.

Важна захаваць высокую этычныя нормы журналісцкай дзейнасці, прынцыпы прафесіі. Бо ўлада пачала сёння навязваць яшчэ і ўласнае бачанне ролі і месца журналістыкі ў грамадстве. Адзін чыноўнік заяўляе, што «СМІ — гэта асноўны механізм правядзення ў жыццё дзяржаўнай ідэалогіі». Другі — што мас-медыя «мусяць стаць інструментам інфармацый-

на-псіхалагічнага ўздзеяння, нейтралізацыі і нават задушэння спробаў супрацьпраўных дзеянняў...». Карацей, з журналістаў хочучы зрабіць нейкі ідэалагічны спецназ.

І робяць! Сёння назіраецца новая з'ява: дзяржаўны апарат фактычна зрошчваецца з манапалізаванымі медыямі. Журналісты мусяць выконваць прапагандысцкія замовы кіроўных вярхоў.

З іншага боку, інфармацыйная палітыка дзяржаўных СМІ спараджае незадаволенасць і раздражненне ў грамадстве. Улада, у сваю чаргу, ужывае адміністрацыйны рэсурс дзеля падтрымкі прапагандысцкай машыны, у якую ператварылася афіцыйная прэса. Напрыклад, згодна з «Комплекснай праграмай развіцця дзяржаўных перыядычных друкаваных выданняў», толькі сёлета на іх падтрымку выдзелена 1,5 мільярда рублёў.

Разам з тым ва ўмовах жахлівага адміністрацыйнага ціску ды эканамічнай дыскрымінацыі незалежныя медыі (ва усякім разе тыя, што маюць сваю пазіцыю), бадай, ужо немагчыма разглядаць як бізнес-праекты. Гэта хутчэй грамадзянскія ініцыятывы.

— *Што чуваць у галіне медыя-заканадаўства? Нейкі час таму міністр інфармацыі заявіў, напрыклад, што варта ўпарадкаваць сферу інтэрнету. Здаецца, на падыходзе закон аб апытаннях грамадскай думкі, які таксама наўпрост тычыцца медыяў...*

— Сапраўды, ёсць небяспека, што заўтра ўлады ў звычайным стылі пачнуць «упарадкоўваць» віртуальную прастору, друкаванне сацыялагічнай інфармацыі і г. д. Нібыта мала таго, што, паводле «Рэпарцёраў без межаў», Беларусь і так у ліку зацятых ворагаў інтэрнету. Дый увогуле па ступені свабоды прэсы — аж на 151-м месцы ў свеце, у самым хвасце рэйтынга, побач з Кубай ды Паўночнай Карэяй!

Што да законатворчасці, то тут назіраецца новая тэндэнцыя. Пасткі для медыяў і журналістаў расстаўляюцца ў розных нарматыўных актах нібыта з высакароднымі мэтамі — кшталту супрацьдзеяння экстрэмізму.

Зрэшты, праблема не толькі ў законах. Могуць напісаць даволі цывілізаваны праект, але гэта не гарантыя ад рэпрэсій. Сёння неўпадабаныя СМІ душаць, напрыклад, амаральнымі паводле памеру іскамі аб абароне гонару і годнасці, якія даводзяць выданні да банкруцтва.

Мне запомнілася фраза галоўнага рэдактара «Нашай Нівы» Андрэя Дынька. Трапіўшы пад «зачыстку» на плошчы падчас веснавых вулічных падзей і адседзеўшы 10 сутак паводле высмактанага з пальца абвінавачання (нібыта брыдкасловіў!), Андрэй у скрусе сказаў: «Больш не мае значэння, парушаеш ты закон ці не...»

Гэта — горкая праўда пра сённяшняе жыццё тых, хто адважваецца мець альтэрнатыўнае, адрознае ад афіцыйнай ідэалогіі меркаванне.

— *Чэрвеньскі з'езд БАЖ прыняў «Маніфест сумлення». Ці адчуваецца нейкі рэзананс? На тым з'ездзе гучалі, напрыклад, меркаванні, што такі «дыстыляваны» кодэкс прафесійнай этыкі — не для нашых умоў. Вы згодні?*

— Сёння мы рызыкуем страціць прафесію журналіста — праз тое, што нас імкнуцца зрабіць ідэалагічнай абслугой. І гаворка не толькі пра манапалізаваную прэсу. Працаўнікі недзяржаўных медыяў, асабліва рэгіянальных, таксама ўсё часцей ратуюцца самацэнзурай.

Кампрамісы з прафесійнай этыкай могуць дорага каштаваць. Хачу зазначыць, што «Маніфест сумлення» адра-саваны не толькі журналістам.

Мяне, напрыклад, здзівіць, што апазіцыйныя палітыкі вы-

стаўляюць патрабаванне доступу да дзяржаўных СМІ, але нібыта не бачаць карань зла. То бок не ставяць пытанне аб раздзяржаўленні гэтай сферы, стварэнні цывілізаванага медыйнага рынку.

Найперш жа над радкамі Маніфеста варта задумацца ўладзе, якая гэтак любіць падкрэсліваць свой клопат аб будучыні краіны. Бо за ператварэнне медыяў у сродак замбавання масавай свядомасці рана ці позна мусіць плаціць усё грамадства. Плаціць па рахунках тых скажоных, хлуслівых уяўленняў, што яму навязваліся.

*Гутарыў Аляксандр
КЛАСКОЎСКИ*

К СЕРДЦУ ПРИЖМЕТ? К ЧЕРТУ ПОШЛЕТ?

Клич «Наших бьют!» в журналистской корпорации срабатывает моментально. И хотя вечером 28 ноября на брифинг Путина в аэропорту «Минск-2» не пустили журналистов из белорусской официальной прессы, «нашими» в СНГшной столице и белорусской провинции стали российские репортеры. Нашими — профессионально и по-человечески — остались принципы. Власти — белорусские и российские — в

Татьяна МЕЛЬНИЧУК

ВЫПУЛИВАНИЕ

Что-то неладно в нашем Отечестве, если даже в отношениях с ближайшим и досточтимым соседом высокая дипломатия перешла в базарные разборки.

Предупредить саммитовский конфликт с журналистами, как оказалось, пытались солидные ведомства. Минск «послал сигнал», что не аккредитует на заседание глав стран-участниц СНГ репортеров из «Московского комсомольца» и «Коммерсанта» (журналист «МК» за неделю до этого уже не был допущен на совещание глав правительств).

И в переговоры вступили министерства иностранных

дел, администрации российского и белорусского президентов. Сошлись, видимо, на том, что в данном случае Минск — вовсе не Официальный Минск, а столица СНГ. В постсоветском Содружестве люди, конечно, разные, но все вроде свои, СНГшные. И раз мероприятие такого международного уровня, то каждого принимают таким, как есть.

Так что аккредитацию несимпатичным официальному Минску журналистам, вроде бы, дали.

И даже если бы не дали, а президент Путин на свою дерзость включил нежелательных в свой пул, вставать у ворот «руки в бока» до неприличия примитивно. Жалуешь короля — потерпи и свиту.

Троих московских репортеров из путинского пула не пустили дальше порога. Собратья по перу и товарищи по пулу демонстративно покинули саммит.

«Народ и партия едины»?

«Я все время коллегам говорил, что они плохо себя ведут по отношению к Беларуси, — замечает корреспондент «Голоса России» Евгений Огурцов. — Давая правду о своей стране — с мельчайшими подробностями, «бьяками», противоречиями, — о Беларуси предпочитали писать розово и красиво. Теперь пусть почувствуют, как живем здесь мы, в том числе и белорусские журналисты, привыкшие к подобному обращению с собой».

Российские журналисты, впрочем, и до саммитовского скандала обсуждали сложности работы в Беларуси и ее столице. Самый первый (и не очень давний) международный форум в новенькой Национальной библиотеке изумил репортеров не роскошью VIP-зоны и не грандиозностью «алмаза», равно которому действительно нет на постсоветском пространстве. Впечатлила команда «секьюрити» передвигаться бесшумно, группами и только в разрешенном направлении. Написали о странном количестве подтянутых собачников и тренированных псов, гулявших у недоступного простым людям «объекта».

На время проведения нынешнего саммита глав стран-участниц СНГ Национальную библиотеку тоже закрыли для читателей. Более того: охранная бдительность более суток держала в оцепенении полуторамиллионный город. Закрытая для выхода и даже пересадки единственная (!) соединяющая ветки станция метро, многочасовые заторы на городских магистралях и даже кольцевой, где разъездные мосты были освобождены от транспорта и взяты под охрану. Когда к вечеру 28 ноября практически во

«Есть принципы, а есть профессия. Я считаю, что ребята соблюли правильный баланс между принципами и профессией».

всем Минске встали троллейбусы и тысячи людей пешком двинулись из центра в дальние спальные микрорайоны, в адрес своего и приезжих правителей звучали такие пожелания, что никакой «Московский комсомолец» напечатать не отважится.

Ушедших с саммита журналистов через час обвинят в неуважении к президентам. Но когда в постсоветской части света президенты хоть в малости начнут уважать народ? Неужели стекла «членовозов» столь непроницаемы, что не разглядеть, как поодаль от мертвецки пустых улиц колыхается, давясь проклятьями, людская масса?

Впрочем, если о любви к народу «сильные мира сего» вспоминают во время выборов, журналистов стараются любить регулярно. Совсем уж плохи дела у того, кто решение всех проблем сводит к борьбе с зеркалом, отражающим состояние страны и индивида.

Уйти нельзя остаться

В рекомендациях по тактике профессионального общения есть такая: при сложном для

вас собеседнике или разговоре располагайтесь так, чтобы видеть выход. Психологически важно чувствовать: выход есть. Физически можно встать и уйти, если сладить не получилось.

Российские журналисты использовали это разработанное на самый крайний случай правило. Использовали профессионально: ход мероприятий остались освещать коллеги из государственных СМИ, ибо в любом случае читатель пострадать не должен.

Работа у нас такая, что мы обязаны пренебрегать миллионами раздражающих обстоятельств. Неконтактные политики, лукавые чиновники, высокомерные секретарши, несъедобный обед, тормозящий интернет —

все преодолимо. Но если вместо информации гонят туфту, — надо встать и уйти. И если тебя используют вместо тряпки, затирая следы преступления или бесстыдства, — надо уйти. И — если глумятся над сутью твоей профессии, твоей работы.

Пресс-секретарь президента Беларуси Павел Легкий заявил в телепрограмме «Контур», что демаршу российских журналистов предшествовало указание высокого чиновника из окружения российского президента. То есть была-де команда. Что журналисты принимают решения без команд, служивым в нашей стране уже просто непонятно.

А на чью команду намекают исполнители белорусского политического и дипломатического прокола, очевидно из многократно повторенного объяснения: газеты, корреспондентов которых не пустили на порог в столице СНГ, «печатали материалы, оскорбляющие белорусского президента».

Обиды президентов

Обидеться полагалось Ющенко. Без видимой причины, но уж слишком «в сердцах» Александр Лукашенко на встрече с украинскими журналистами «прошелся» по качествам нужного украинцам президента.

«Это (по контексту — настоящий президент. — Т. М.) не заведующий лабораторией, какой-то там преподаватель, пришедший на такие высоты. Он не щупал эту землю руками. Он не руководил даже бригадой в плохом колхозе. Это страшно, с такими людьми очень тяжело вести диалог. Янукович — профессионал». (Цитируется по записи прямой трансляции.)

Накануне Минск принимал украинского премьера Януковича. Может, двое высокопоставленных мужчин позлословили о третьем. Может, что

«Надо задать вопрос, кто является главным на саммите: журналисты или главы государств СНГ, — и что обсуждалось: проблемы журналистов или вопросы реформирования Содружества. Исходя из этого, надо было бы разобраться, российские журналисты прибыли освещать саммит или решать свои вопросы? Журналисты продемонстрировали, что они выше президентов».

иное наваяло. Но реплика вылетела, как тот воробей, которого уже не поймашь. Вряд ли все обогретье в Беларуси украинские журналисты «сократили» в своих отчетах неудачный речевой пассаж, как сделали при публикации стенограммы встречи в белорусской государственной прессе.

Но Ющенко не стал «пахать по воробьям». В рамках саммита глав государств-членов СНГ украинский президент не только не чурался не лестно ценящего его коллеги, но согласился на трехсторонние переговоры (Беларусь — Украина — Азербайджан) о проектах и возможностях газо-транспортного сотрудничества.

Обидчив ли Ющенко? Вспомните реакцию украин-

ского президента на публикацию заметки о барских замашках президентского сына. И неуклюжие публичные объяснения, что дорогой автомобиль взят отпрыском у друзей «покататься», а на ресторанные ужины молодой специалист сам зарабатывает.

А еще вспомните прогремевшие на всю Украину (и не только) извинения Ющенко перед репортером, обнаружившим сыновние проделки («Абазур», N 3–4, 2006).

В Беларуси о президентском «личном» не пишут. Но злословят предостаточно. На чужой роток не накинешь платок.

А «обида» Лукашенко на «Московского комсомольца» привела только к тому, что скандальную статью о родственниках президента не прочитал разве что ленивый — издания и сайты бесчисленное число раз перепечатали, достав из архива, не слишком замеченный в свое время материал.

Статья, конечно, та еще. На каком-нибудь семинаре по теории и практике журналистики можно спорить о пропорциях субъективного и объективного, праве героев публикации на личную жизнь и пределах оценочного вмешательства в чьи-то судьбы и привычки. Ну не обязан злополучный «дядя Федор» враз стать праведником и трезвенником только потому, что племяша вынесло к высотам известным!

И вряд ли обязаны мы, пишущие, выносить вердикт чьей-то обычной, как у всех, не слишком удачной жизни...

А вот жизни высокодолжностной — сколько угодно! Обидчив, не к месту вспыльчив, не можешь сдержаться в словах — не иди в президенты! В депутаты, в премьеры, в публичные «звезды». Или учишь себя вести — не царское ведь дело реагировать на раздражители, как вздорная певичка!

Впрочем, «курсы поведения» для высокопоставленных чиновников должны «чи-

тать» другие. Репортерская задача везде и во все времена — проверять, как прочитано и как усвоено. «Дергать» за обнаруженные ниточки, «доставать» неудобными вопросами, тащить на свет Божий припрятанное. Люди, которые выбирают власть, должны и хотят знать о ней все. В том числе — читая газеты.

О «мостах» и тарелке оземь

Президентское ли дело репортеров из беды выручать?

Запад и Штаты демонстрировали удачные и не очень способы спасения снимающих и пишущих в «горячих точках» — вплоть до политических уступок стороне, захватившей журналистов в заложники.

У нас, конечно, зарубежным корреспондентам головы не секут. Но отсекают неугодные телеканалы, издания, авторов. Площадно и беспощадно. Штамп в российском паспорте Павла Селина с запретом пять лет посещать Беларусь, «размазывающий» теледопрос Владимира Адамчука, кинувшегося с российской телегруппой проверять, было ли за что

сажать в тюрьму Павла Шеремета... И Шеремет, избитый до больницы на исходе мартовской кампании выборов. И Халип, за журналистику названная Героем Европы, но неоднократно предупрежденная белорусскими прокурорами и «прокатанная» пропагандистской прессой даже не «на предмет» каких-либо поступков, таланта или личностных качеств — просто чтоб попаскудней, побольней. А недавний «проезд» «Советской Белоруссии» по соотечественнице, корреспондентке «Коммерсанта»! То, что напечатано, — по всем меркам непечатно, но ведь есть, и в «главной газете страны».

Канада присоединилась к западному запрету на въезд на свою территорию высокопоставленных белорусских руководителей, в том числе из-за того, что канадского репортера Фредерика Левуа арестовали и держали в белорусской тюрьме за профессиональный интерес к местным президентским выборам.

Когда в той же тюрьме и по тому же поводу оказался россиянин, обозреватель «Новой газеты» Александр Подраби-

нек, российский Союз журналистов отправил обращение белорусскому Союзу журналистов (!) с рекомендацией в знак протеста отказаться от общения с родными официальными лицами (!!). Других «протестов» не было.

Почувствуйте разницу.

Президент Путин, улетаая из Минска в окружении возмущенных журналистов своего пула, предложил согласиться с утверждением главы Беларуси, что происшедшее в «столице СНГ» — «техническая ошибка». Правда, за полчаса до этого белорусскую официальную прессу не допустили общаться с российским президентом — представитель путинской пресс-службы заявила, что брифинг в аэропорту не входит в официальную повестку дня минского саммита и Путин хотел бы говорить со «своими» журналистами. А день спустя в российский Белый дом не впустили белорусского премьера Сидорского — приблизительно так же сказали: мол, встреча с вами в нашем правительстве не запланирована.

Как подметила Ирина Халип, такие «ответные» действия «похожи на разбивание тарелки». Тарелки оземь бьют в яростной семейной ссоре. Чем «жечь мосты», лучше сваркнуть пару даже самых любимых блюдец — и расходу меньше, и нет едкого дыма, как от сожженных мостов.

А стыд — не дым, глаза не выест?

«Недопуск российских журналистов на минский саммит СНГ — плевок в лицо Путину», — убеждена Ирина Халип. К адекватной реакции на происшедшее призывает своего президента российская пресса. Борис Николаевич Ельцин с памятной в Беларуси репликой: «Пусть сначала Шеремета освободит!» — стал

истинным героем журналистских обсуждений и публикаций.

Чтоб не пропасть поодиночке

Автор этих строк дозналась заместителю главного редактора газеты «Московский комсомолец» Вадиму Поэгли, когда ушедшие с саммита журналисты отъезжали в аэропорт. Как профессионал, должна была звонить раньше — но саммит, оказавшийся недоступным неудобным россиянам, был надежно и полностью блокирован для белорусских журналистов из

негосударственных изданий. Не по своей вине упустив репортерский долг, я выполнила корпоративный: от имени нашей журналистской ассоциации предложила коллегам помощь. Мало ли — юристы нужны или элементарное место для ночлега.

Замглавного в «Московском комсомольце» и сообщил мне, что журналисты уже в автобусе, отправляются в аэропорт. А предложению бесполезной уже помощи обрадовался так искренне, что за одно только неловко стало: мы наверняка вместе в рамках Международ-

ной Федерации Журналистов протестуем против притеснения коллег в Китае или на Кубе, а не знаем возможностей друг друга. В нашей общей журналистской корпорации «двусторонние» связи — совсем не лишнее дело.

Не продаваться!

Ну не понимает белорусское руководство, что нельзя журналистов делить на любимых и нелюбимых. Сотворив такой раздел в Беларуси, получили репортеров и пропагандистов. Разные эти сообщества если и контактируют друг с другом, то заведомо настороженно, ожидая подвоха и не стремясь делиться профессиональными секретами. Потому что профессии получились — разные.

Стремление поделить на «честных» и «нечестных» соседскую прессу и вовсе превращается в злой анекдот. Сладострастные «путевые заметки» в региональной российской (а теперь и некоторой украинской) прессе, опубликованные «десантниками», приглашаемыми и прикармливаемыми официальным Минском, критикуются и высмеиваются на страницах более солидных соседских газет.

Смеяться есть над чем: утверждения о трехразовом бесплатном питании в белорусских школах и абсолютно бесплатной белорусской медицине опровергаются очень легко. Та же огромная армия белорусских гастарбайтеров, месящих российскую грязь вместо прогулок впроголодь по идеально чистым родным улицам, — аргумент неоспоримый.

А критике — порой до скандала, до разрыва — подвергаются профессиональные этические устои грешащих против истины журналистов. Ибо, как замечает Юрий Хачеватский, «нужно не продаваться, не идти во власть, не прислуживать ей, смотреть на

нее критически, не загорать на Августовском канале, когда тебя туда везут, не пить ту водку и коньяк, которые тебе щедро выставляют на столы для того, чтобы ты потом изо всех сил поддерживал что-то».

«Я это оцениваю с точки зрения последней встречи с Алесем Адамовичем, — говорит Хашеватский. — Он встретился с нашими журналистами и приехал очень расстроенный событиями 1993 года в Москве. Не столько событиями, сколько тем, что начало происходить в российской журналистике сразу после этого. Как многие журналисты, бывшие «взглядовцы» стали цинично и продажно себя вести. Помню, как он вздохнул и сказал: «Ребята, только не продавайтесь». Сегодня, к сожалению, получилось так, что люди, овладевшие профессией журналиста, не владеют простыми моральными основами».

«Жизнь длиннее, чем любовь», — сказал кто-то, страдавший от безмерной любви и отчаянного разочарования. Удивительно емкая формула — для применения в делах сердечных и служебных.

Жизнь длиннее сроков президентских правлений. Длиннее «моды» на твердолобую пропаганду или разнузданную «желтуху».

Все пройдет — мы останемся. Вот только — кем? Ведь репортерская жизнь, как ни крути, — профессия...

Гибель Богинь

Когда убили Анну Политковскую, многие коллеги, звонившие мне в те дни, пытались выяснить, писала ли она когда-нибудь о ситуации в Беларуси. Говорила ли? Интересовалась ли? Увы, мне нечего было ответить. Анну Политковскую никогда не интересовала Беларусь. У нее было всего

Ирина ХАЛИП

«Как же так? — не понимали мои собеседники. — У нас ведь тоже, как в Чечне, пропадают люди...» Бросьте, коллеги. Не пытайтесь убедить меня в том, что вас волнует ситуация в Зимбабве, потому что там, как у нас, диктатура. Когда-нибудь потом, после победы, в демократически-скучной европейской Беларуси, где будет совершенно нечем заняться, многих из нас наверняка начнет беспокоить, а что там, в Зимбабве. Или в Мьянме. Или еще в какой-нибудь стра-

не, где пока ничто плохого не предвещает... Но — не сегодня. Как-нибудь потом.

Для Анны Политковской Беларусь тоже была чем-то вроде Зимбабве. Если и погромы хивает, то очень далеко — куда дальше Чечни, откуда каждый взрыв или выстрел неведомым образом долетал через Кавказский хребет до ее обостренного постоянного бедой слуха.

Разница между нами и чеченцами в том, что у них бесследно и навсегда исчезают

не политики или журналисты, а просто люди, которых постигло несчастье родиться в Чечне. Их родственников не приглашают на слушания в ООН или Совет Европы. Международные структуры не призывают российские власти расследовать исчезновения этих людей, а самое Россию, в которой пропавшие без вести исчисляются десятками тысяч, не исключают из международных организаций.

А тех, которые пока еще живы, но сидят в тюрьмах и подвергаются пыткам только потому, что троюродный брат давно ушел в горы к боевикам, — тоже тысячи. Их не посещают послы западных государств — по российским тюрьмам не наездишься...

И у всех этих людей не было в целом мире никого, кроме Анны Политковской.

Только ей они писали письма, только ей доверяли свои трагические истории, только ее просили помочь и вступить. Не только в Чечне, кстати, — в Москве к Политковской шли толпы людей, у которых не оставалось надежд на то, что им поможет власть. Чеченцы, которых чиновники отказывались регистрировать в столице, а скинхеды избивали в подворотнях, отправлялись не в милицию и не в суд, а в редакцию «Новой газеты» и спрашивали Анну. Она не советовала найти адвоката и подать иск, а ходила по инстанциям сама. И многим ей удавалось помочь, а кого-то — даже спасти от смерти.

Анна Политковская не просто помогала людям. Она разоблачала тех, кто хамски нарушал права этих людей. И неважно, где сидели эти хамы — в военных комендатурах на Кавказе, в ФСБ или в аккуратных кабинетах московских префектур. Главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов всякий раз

но она была дисциплинированным журналистом и перестала ездить на Кавказ. Впрочем, кавказских проблем к тому времени было более чем достаточно и в Москве.

Читатели «Новой газеты» делились на две категории: те, кто читал всех, кроме Политковской, и те, кто покупал газету только ради ее текстов и

но боялась людей и других собак. И мужественная журналистка Анна Политковская каждый вечер на собачьей площадке прыгала с чужими псами, чтобы показать своему, как это делается. И хватала за руки других собачников, и гладила их ладонями свою собаку, чтобы избавить ее от страха перед людьми. По-

верьте, это требовало от Анны не меньшего мужества, чем все остальное...

Когда она работала в «Общей газете», коллеги однажды решили поразвлечься. Они применили к текстам Политковской компьютерную программу — что-то вроде мониторинга слов. Вводишь некое слово — и через секунду компьютер выдает статистику: сколько раз это слово встречается

в текстах того или иного автора. Журналисты вводили слова «ужас», «кошмар», «смерть», «горе» и радостно гоготали, когда компьютер находил сотни случаев употребления этих слов. А потом, окончательно развеселившись, решили для порядка поискать слово «счастье». Кажется, даже заключали пари, что это слово не встретится ни разу. Компьютер выдал результат: некоторое слово употреблено единожды. Контекст: «Счастье — это когда тебя не убили...»

Есть такой вид современного развлечения — историческое моделирование. Это попытка воспроизвести развитие некой ситуации в противоположном от исторически сложившегося направлении. К примеру, что было бы с миром, если бы в 1917 году восстала буржуазия и перестреляла к чертовой матери всех рабочих. А что если на первых президентских выборах в Бе-

спешил вычеркнуть из верстки многочисленные «доколе?!» Политковской, но и после его правки оставалось достаточно для того, чтобы ей угрожали — известные и неизвестные.

Ей часто советовали нанять охрану. Она хохотала: «Журналист с охраной? Не смешите!»

После того как Политковскую отравили в самолете, когда она пыталась добраться до Беслана, а оказалась в реанимации в секунду от смерти, Дмитрий Муратов решил: больше никаких поездок на Кавказ. Он кричал, что проведет ребрендинг Политковской и заставит ее заниматься социальными проблемами, потому что обиженных государством, убогих и нуждающихся в помощи по всей России никак не меньше, чем в Чечне. Анна врывалась в кабинет главного редактора и громко скандалила. Обвиняла его в конформизме.

больше не читал ничего. Не слишком ли много ответственности для одного человека — считать себя обязанной помочь каждому, кому плохо и кто слабее, да еще и знать, что жесткий читательский нож тоже проходит по тебе, рассекая аудиторию надвое?..

Для нее — не слишком. Потому что по вечерам, когда Анна, валясь с ног от усталости, приходила домой, ее ждала больная собака. Тот пес был дважды отказным и к тому же крепко битым с ужасными последствиями. Ему повезло, что он в конце концов попал к Политковской. Все ветеринары Москвы, к которым Политковская возила большую собаку в свободное от спасения людей время, хором советовали усыпить несчастное создание, с которым мучений не оберешься. Но ей не привыкать было спасать других от страданий и брать на себя ответственность за них. Поэтому собака выжила. Псина страш-

ларуси в 1994 году победил бы Александр Дубко.

Иногда я пытаюсь представить себе, что случилось бы, если бы Анна Политковская жила в Беларуси. И по всему выходит, что здесь она осталась бы в живых. Просто потому, что ей было бы негде публиковаться. Существование «Новой газеты» в Беларуси невозможно по определению, здесь она не просуществовала бы и недели. А любое из сохранившихся вяло трепыхающихся и давно потерявших

лась бы уж слишком былинным богатырем. Здешняя пресса и Анна Политковская друг другу не подошли бы по определению. Не обижайтесь, коллеги, но это правда. И, похоже, это не Анна была богатырского роста, а просто здесь измельчали.

Недавно я видела гаденькое письмишко, подписанное теми самыми измельчавшими — в том числе и некогда уважаемыми Петром Марцевым и Иосифом Середичем. Адресовано оно было, раз-

дохших газет, конечно же, разберется и поможет... Поставить подпись под этой фигурой означает для белорусского журналиста и редактора уничтожить в мгновение ока свою и без того изрядно пошатнувшуюся к данному историческому моменту репутацию. И — хоть убейте — никак в эту схему не вписывается Политковская! Среди пигмеев, среди газетных обмылков ей было совершенно нечего делать.

А впрочем, даже если бы

лицо зарегистрированных изданий предпочло бы само закрыться, но не пустило бы Политковскую на порог. Не тот размерчик. Слишком злая, слишком правдивая, слишком справедливая. Какая-то... гиперпринципиальная, что ли.

Да и ей здешние куцые шинельки, зарегистрированные в министерстве печати, вряд ли пришлись бы по размеру. На фоне белорусских редакторов Анна Политковская смотре-

умеется, Лукашенко Александру Григорьевичу, и содержалась в нем нижайшая просьба помочь-разобраться с мелким гнусным чиновничеством, которое, дескать, мешает распространению независимой прессы. А он, Александр Григорьевич Лукашенко, понятное дело, не в курсе, потому что ему об этом никто не докладывал. Но теперь-то он, выражают робкую надежду редакторы давно по-

ей довелось родиться и прожить часть своей жизни в Беларуси, нечего и прогнозировать, что происходило бы с ней сейчас. Потому что здесь ее давным-давно уже не было бы. В том относительно благополучном 1994 году, когда Беларусь наслаждалась свободой выбора, в России начиналась первая чеченская война. Уверяю вас, Анна помчалась бы на ту войну, где бы

ни проживала в том самом 1994-м. Выходит, все в ее жизни было predetermined: и войны, и спасение людей, и попытки сделать то, чего не делало для этих людей государство, и слезы, и «Новая газета», и угрозы, и Пулитцеровская премия, и одиночество, сознательно избранное ею, чтобы никого из близких не подвергать опасности, и больная собака, ждущая дома, и пока не известный убийца, таившийся в подъезде, и пуля на выходе из лифта?

Тогда становится понятной траектория полета этой пули. И получается, что для Анны не могло быть иного выхода. Вернее, исхода...

ШТУРМ СОЛОВЕЦКОГО КАМНЯ

Московских правозащитников задержали за «несанкционированное выражение скорби».

На столе в московском ОВД «Китай-город» (это самый центр, отделение прямо у Красной площади) — будто бесланский мемориал.

Разброс осенних астр. Оплавленные свечи. Самодельные плакаты. Черной тушью по белому: «Упокой, Господи, души убиенных бандитами и своими». Белыми буквами по черному листу: «Помни...». Автор, конечно, написал «помним», но на последнюю «м» пришла кривая линия разрыва.

Плакаты искромсаны, цветы сломаны, свечи растоптаны. Среди прочего на этом столе и наша газета торчит из-под плакатных ошметков — ее скомканный 65-й номер, где опубликован знаменитый теперь уже доклад депутата Госдумы Юрия Савельева. На календаре 3 сентября, а этот милицейский стол — стол вещдоков.

Предыстория появления столь странных вещдоков такова: в минувшее воскресенье, когда все нормальные люди были в трауре по убиенным два года назад заложникам, столичные силы правопорядка продемонстрировали москвичам, как следует правильно выразить свою скорбь, что дозволено думать о Беслане, а что — нет. В результате все те, кто собрался для скорби в местах, которые отвели для этого власти, возложили цветы, куда указали, и спокойно пошли по домам. Те же, которые самостоятельно выбирали место, были разогнаны московским ОМОНОм, задержаны и предстанут перед судом (участок N 369 Тверского районного суда).

Это в основном столичные правозащитники, которые заранее уведомили власти, что именно в 13.05 (время начала штурма в Беслане 3 сентября 2004 года) они соберутся у Соловецкого камня на Лубянке в Москве — у традиционного места проведения траурных мероприятий, — чтобы зажечь свечи, помянуть, помолчать вместе, укрыть цветами камень.

Префектура Центрального округа Москвы в ответ на уведомительное письмо движения «За права человека» объявила, что она подобное мероприятие запрещает (хотя закон права на такой запрет исполнительной власти не дает).

Первая официальная причина запрета: у нас «праздник с торжественными мероприятиями» (День города). Когда ветры наверху поменялись и День города все же решили локализовать лишь 2 сентября, а на 3-е наметили официальные поминовения, второй причиной запрета стала необходимость «уборки Лубянской площади после праздника».

И вот 3 сентября, 12.50. Запрет запретом, но горе-то какое. Общее — и для запрещающих, и для остальных. Человек до двухсот все же пришли на Лубянку — с цветами, плакатами, портретами погибших детей. А их встретили кордоны. Соловецкий камень, памятник жертвам политических репрессий, — в оцеплении юных милиционеров (из школы милиции), и это было первое кольцо сил правопорядка. За спинами курсантов, защищая ближние подступы к Соловецкому камню, стояли «люди в штатском» в явно несообразном событию количестве. Чего так бояться? И вообще очень странно смотрится, когда «штатские» уж так активно, с явным перебором

Анна ПОЛИТКОВСКАЯ,
обозреватель «Новой», 07.09.2006

пытаются защитить собой Соловецкий камень... от правозащитников... Полнейшая политическая эклектика — это как если бы «правозащитники» окружили памятник Дзержинскому и стали бы его охранять от сотрудников ФСБ» (по меткому замечанию Юрия Самодурова, директора Музея и Общественного центра им. Андрея Сахарова).

У многих из «штатских» — рации «в ухе», они постоянно туда что-то тихо докладывают и вслушиваются, закрывая другой слуховой проход, в рекомендации невидимых координаторов. Громко же науськивают милицию: давай-давай, разгоняй. И все снимают на свои камеры — «операторы» заметно усердствуют с крупными планами: чтобы в архивах остались лица «неправильных». Часть «операторов» работает прямо в толпе, среди которой много таких, кто держит в руках бесланский выпуск «Новой газеты» с докладом депутата Госдумы Юрия Савельева, опровергшим официальную версию штурма в Беслане. Потом, в милиции, в протоколах так и будет значиться: «...Имел в руках N 65 «Новой газеты». Это что — вина?..

Люди обсуждают выводы депутата Савельева — большинство с ними согласны. Говорят: «И снова за ценой не постояли...» «Штатские» своими камерами лезут им прямо в лица, открыто ухмыляются:

«Сумасшедшие! Расходись!»

В 13.05 — именно в 13.05, в минуты начала тупого штурма школы два года назад, — «штатские», не задумываясь о позорных для себя параллелях, отдают ОМОНу приказ штурмовать «неправильно» скорбящих.

ОМОН (это бросается в глаза) на сей раз как-то особенно жесток, совсем не церемонится: плакаты рвут, топчутся каблуками армейских ботинок прямо по самодельным «Помним, молимся, скорбим...». Толпа скандирует: «По-зор! По-зор!» Женщины подходят к бойцам, уговаривают: «Что же вы делаете? Ребята, вам потом стыдно будет!» Но асфальтовые «камуфляжи» лишь бубнят: «СМИ врут... СМИ все врут...» И продолжают молотить руками и ногами направо и налево.

В 13.10 все кончено — 13 человек двумя партиями, затолкав в заранее подогнанные автобусы, вместе с плакатами и цветами увозят в ОВД «Китай-город». Женщины опять зажигают свечи — прямо на асфальте Лубянского проезда. Кто-то усаживает тут же, на тротуар, плюшевого

мишку и зайца, маленький ребенок кладет рядом с игрушками свою конфету, ставят бутылку с водой. Получается бесланский алтарь — как в тысячах городов мира в этот день и в этот час. Люди тихо молятся, плачут, мальчишки из первого милицейского оцепления прячут глаза. На подмогу задержанным в ОВД «Китай-город» отправляются депутаты Мосгордумы, пришедшие на пикет к Соловецкому камню, — Иван Новицкий (СПС) и Сергей Митрохин («ЯБЛОКО»).

В отделении милиции тем временем разгорается неожиданная дискуссия между «теми» и «этими»: задержанными, которые ждут своей очереди на составление протокола, и омовцами — они тут как свидетели «массовых беспорядков». Юрий Самодуров (он задержанный) вытаскивает из кармана пиджака все тот же бесланский выпуск «Новой газеты», показывает бойцам ОМОНа:

— Поймите же, это доклад депутата. Он сам взрывотехник, он провел исследование — он специалист. Вы почитайте, он доказал, что пожар в спортзале начался с того, что

наши гранатометами били по школьной крыше. Заложники от этого сгорели...

Омовцы настойчиво парируют:

— Нет! Не может быть! В СМИ все врут! И доклад этот не депутата, а сами журналисты написали! Это же «Новая»! Нам объяснили...

Что же, выходит, «им объяснили»? Жестокость бойцов ОМОНа по отношению к «неправильно» мыслящим взнудана ложью их руководства как ответная мера против тех, кто поддерживает «плохую» версию депутата Савельева? И вся эта вакханалия у Соловецкого камня с разгоном пикета — просто часть битвы за «хорошую» Лубянку, которая не могла палить в детей огнеметами в Беслане?.. Часть битвы с «неправильной» информацией?

И дискуссия, и случайно прорвавшиеся слова, безусловно, систематизируют ощущения от того, как проходила в стране вторая годовщина бесланских событий. Власть вступила в решительную схватку с инакомыслием на большую для себя тему — никакого Савельева... Она стремится приватизировать все: и

скорбь, и идеологию, и, по ходу пьесы, даже Соловецкий камень...

Но до чего же глупы эти усилия во времена, когда есть интернет. ФСБ реквизировала 300 экземпляров доклада Савельева в аэропорту Северной Осетии (это было 2 сентября)? Да тут же можно распечатать из сети хоть 1000 их. Порвали «Новую газету» с тем же текстом? Иди вышеописанным путем... Сдается, большие начальники «защитников Соловецкого камня» не освоили еще современные информационные технологии.

Может, и к лучшему. Пока они дремучи — у нас есть доступ туда, куда они не ходят.

День светлого будущего

***В 1945 году мир вздохнул с облегчением —
кончилась Вторая мировая война, самая
кровавополитная за всю историю
человечества.***

***Нюрнбергский процесс и его продолжения в
разных местах Германии потрясли людей.
Человечество узнало о чудовищных
преступлениях фашизма, в которые трудно
было поверить, и неизбежно встал вопрос, как***

Авторитетное международное сообщество, созданное после Второй мировой войны, через Организацию Объединенных Наций сформулировало минимальный набор требований для обеспечения нормального существования людей — Всеобщую декларацию прав человека. Пожалуй, впервые в международном документе были четко обозначены и зафиксированы понятия прав человека, которые должны одинаково трактоваться во всех странах, подписавших Декларацию.

Всеобщая декларация прав человека была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года в развитие Устава ООН, требующего от государств-участников сотрудничества в «поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (ст. 1 п. 3). Эта дата — 10 декабря — ежегодно отмечается как Международный день прав человека.

Декларация состоит из преамбулы и 30 статей, в которых впервые в истории человечества и международных отношений очерчен круг основных гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод. Невиданные злодеяния фашизма в период Второй мировой вой-

ны, унесшей более 60 миллионов жизней, показали, к каким чудовищным последствиям может привести нарушение прав человека. С принятием Всеобщей декларации прав человека мировое сообщество получило стандарты, с которыми государства обязаны соотносить свои отношения с гражданами. Это должно защитить мир от возникновения тоталитарных режимов, являющихся основным источником опасностей для человечества.

Среди элементарных гражданских прав в Декларации провозглашены права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Указано, что никто не должен содержаться в рабстве, в подневольном состоянии, подвергаться пыткам, произвольному аресту, задержанию или изгнанию. Каждый имеет право на неприкосновенность личной и семейной жизни, жилища, на тайну переписки, защиту чести и репутации, на отстаивание своих интересов в беспристрастном суде (ст. 3–11). В Декларации обозначены и такие политические права, как свобода убеждений и возможность беспрепятственного их выражения, свобода совести, право искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, свобода мирных собраний и ассо-

Юрий ВДОВИН,
Санкт-Петербург,
«Гражданский контроль»

циаций, возможность участвовать в управлении своей страной, избирательные права, свобода передвижений, право убежища, гражданства, владения имуществом, право вступать в брак и основывать семью без всяких ограничений (ст. 12–21).

Заслугой бывшего СССР является включение во Всеобщую декларацию прав человека права на труд, на справедливое и удовлетворительное вознаграждение и на равную оплату за равную работу, право на создание профсоюзов (ст. 23), право на отдых, на социальное обеспечение и особую защиту материнства и детства (ст. 24, 25), право на образование и участие в культурной жизни (ст. 26, 27).

В основу всех принципов Декларации положена идея равноправия. Ст.1 этого документа гласит, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Каждый человек должен обладать всеми возможностями, провозглашенными Декларацией, без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола и т. д. Все люди равны перед законом, и все без исключения находятся под его защитой.

Впоследствии на основе Всеобщей декларации прав человека было принято более полусотни многосторонних договоров по правам человека, в первую очередь два пак-

та: Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Всеобщая декларация явилась первым международным документом, в котором был изложен широкий, хотя и не исчерпывающий, перечень основных прав человека. Несмотря на то, что Декларация не является договором, из которого вытекали бы какие-то обязательства для государств, проголосовавших за ее принятие, весьма широкое распространение получило мнение, что она ввиду обстоятельств приобрела обязательную силу.

СССР на сессии ООН воздержался при голосовании за принятие Всеобщей декларации прав человека — формально потому, что большинство государств не согласилось с его предложением включить в документ право народов на самоопределение. Этот пункт был принят в конце 70-х годов, и Советский Союз вынужден был официально признать Декларацию. Дорогое сердцам советских коммунистов чисто формальное понятие «право наций на самоопределение», не признанное тогда ООН, находилось и находится сейчас в жестком противоречии с принципом неделимости территории и ведет к кровопролитию и тотальному ущемлению свобод граждан. Сегодня такие проблемы возникают не только в России, и миру еще предстоит искать выход из этой сложнейшей ситуации...

Надо заметить, что советские граждане в подавляющем большинстве ничего не знали о правах человека, об этой Декларации, а ее текст был почти запретным документом, из-за него вполне могли возникнуть неприятности. При обысках он изымался нашими доблестными чекистами даже после официального признания Декларации Советским Союзом. Тогдашняя пропаганда объявляла само поня-

тие прав человека «буржуазной химерой» и поводом для вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Более того, из-за сопротивления стран так называемого соцлагеря из пактов, принимавшихся на основе и в развитие Декларации, было изъято всякое упоминание о праве каждого владеть собственностью и о запрещении насильственного и произвольного лишения этого права.

Сегодня положения Декларации отражены в конституциях большинства демократических стран мира. Ее принятие стимулировало утверждение и других международных документов. Был создан Совет Европы, представляющий из себя объединение государств, которые, ратифицировав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, взяли на себя обязательство неукоснительно руководствоваться положениями этого документа и привести свои законодательства в соответствие с ним. Конвенция — это уже другой статус. Это международный договор и жесткие обязательства перед Европейским сообществом, которые должны выполняться.

Россия в 1993 году приняла новую Конституцию, в которую включены все основные положения о правах и свободах человека. Парламент с большим трудом продирался к созданию законодательной базы, которая бы обеспечивала подлинную реализацию прав граждан. В 1996 году Россия была принята в Совет Европы. Однако в стране еще есть влиятельные силы, сопротивляющиеся этим позитивным процессам. Для некоторых и сейчас понятие «права человека» — какая-то химера, а для многих граждан — вообще абстракция. Прошлый тоталитарный режим завел страну в экономический и правовой тупик, выход из которого искать очень трудно, однако другого пути нет. Но сегодня, в день

принятия Всеобщей декларации прав человека, с печалью можно констатировать, что Россия отказывается от уважительного отношения к основным положениям Декларации. В нашей стране нарушаются важнейшие права и свободы человека. У нас нет реальной свободы слова и независимости прессы, право

С принятием Всеобщей декларации прав человека мировое сообщество получило стандарты, с которыми государства обязаны соизмерять свои от-

избирать и быть избранным превращается в фарс, право на объединение и ассоциации всячески ограничивается, практически нет независимого суда, и человеку не обеспечивается справедливая судебная защита, в ряде случаев его право на жизнь подвергается угрозе со стороны властей. Да и требования соблюдать многие другие права рассматриваются по советской традиции как антинародные и антигосударственные выходки.

10 декабря исполнилось 58 лет с того дня, как человечество начало осознанно, на международном уровне, бороться за основные демократические ценности, которые автоматически вытекают из необходимости соблюдать права человека.

Россия и Беларусь скромно встречают этот праздник. Мы мечемся между дорогой к правовому государству и традиционным авторитарно-тоталитарным путем в никуда. В нашем союзном формировании еще очень многие хотят подменить понятие о фундаментальных правах и свободах человека понятиями, связанными с патерналистскими отношениями между гражданами и государством. Для многих из тех, кто занимает высшие руководящие посты, сегодня еще нестерпима мысль, что не люди должны зависеть от власти, а власть — от людей.

Но время возьмет свое. Все больше людей начинает осознавать, что они свободны и независимы, что они нанимают власть для решения своих проблем, обеспечения своих прав и законных интересов.

Нужно время. Молодое поколение более свободно и независимо внутренне. Оно не ждет от власти милостей. Молодые знают, что они многое могут сами и что власть, как наемная рабочая сила, должна помогать им в создании достойной жизни и государства, где было бы спокойно и уютно. Нет, не оказывать услуги, а честно выполнять обязательства перед своим работодателем — свободными и независимыми гражданами.

В этом и есть главный смысл дня 10 декабря — Международного дня прав человека.

БЕЗВРЕМЯ

*Говорю об оглобле, а думаю о лошади.
(Народное наблюдение)*

Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Пожалуй, это общеизвестное выражение как нельзя лучше характеризует политическую ситуацию в Беларуси осенью 2006 года. Кто бы что ни спрогнозировал — все будет

*Михаил ПЛИСКО,
политолог*

Пороком нелегко быть и *postfactum* — ведь все еще может пойти и по-другому. Найти вразумительные ответы на два очевидных sacramентальных вопроса: «Почему произошло то, что произошло?», и «Что будет с Беларусью в следующем году и далее?» — на самом деле не так-то легко. Но и игнорировать эти вопросы нельзя.

Контекст

Действия политических субъектов по сути чем-то похожи на матч за право обладать шахматной короной. Конечная цель игры — победа — не

означает, что каждая партия обязательно должна заканчиваться полным разгромом партнера. Главное — выиграть, ведь победителей не судят, и не только в шахматах. Поэтому, делая прогноз итогов отдельной партии и матча в целом, важно определить, какие цели на самом деле преследуют те или иные игроки на политической сцене. Правда, при этом не следует забывать, что шахматный матч гораздо проще реальных жизненных перипетий, так как в первом случае борьба идет с одним соперником, а во втором — с несколькими сразу, причем некоторые

из них могут находиться вне сферы непосредственного влияния противника.

Гипотеза

Она не нова и впервые была выдвинута еще в 1994 году. Вначале о ней говорили, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Потом она получила распространение среди политического бомонда Беларуси, а затем и России, но после пе-

реизбрания В. Путина президентом на второй срок о ней стали говорить все меньше и меньше. Означает ли это, что эта гипотеза умерла навсегда? Если проанализировать некоторые произошедшие и происходящие события через ее призму, то очень многое в деятельности политических субъектов станет понятным и логически обоснованным. Речь идет о возможных притязаниях действующего президента Беларуси стать во главе современной России или получить полновесную власть в союзном государстве.

Не следует, однако, думать, что буквально все действия власти жестко и прямолинейно направлены на претворение этой гипотезы в жизнь. Практика богаче и многовариантнее всякой идеи, тем более что она никогда не провозглашалась и не может быть провозглашена в качестве официальной внутри-, как, несомненно, и внешнеполитической доктрины. Тем не менее есть все основания говорить о ее незримом присутствии на «входе» и «выходе» политической системы.

Беларусь — Россия

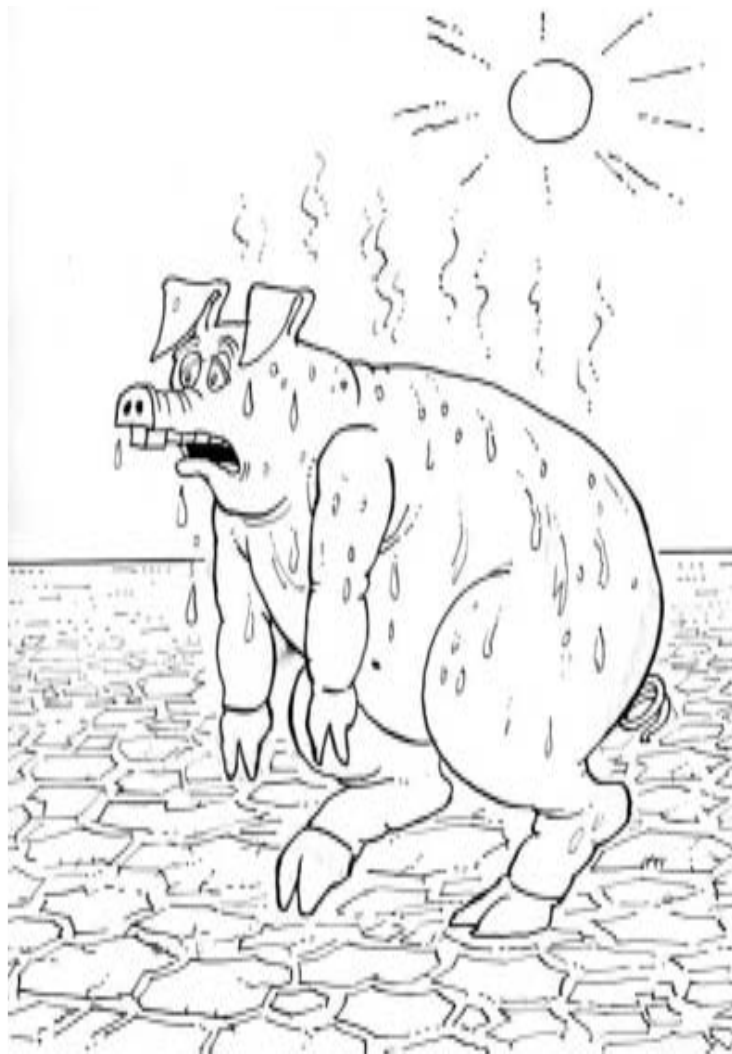
Как ни неожиданно это прозвучит, но больше всего рад тому, что В. Путин не идет на третий срок, белорусский пре-

Больше всего рад тому, что В. Путин не идет на третий срок, белорусский пре-

зидент. И не потому, что он ярый приверженец демократических ценностей. Просто он прекрасно понимает, что за третьим сроком В. Путина последует четвертый и так далее, а это окончательно похоронит его надежды обосноваться в московском Кремле. Поэтому не только политический бомонд России, но и «посвященные» в Беларуси пристально отслеживают события, связанные с проблемой 2008 года. Ведь не исключено, что смена власти в

России пройдет не так безболезненно, как в начале 2000 года. Если это приведет к обострению социальной обстановки, история может предложить белорусскому президенту долгожданный шанс, который он постарается не упустить. Именно по этой причине А. Лукашенко продолжает дружить с Геннадием Зюгановым и носителями национал-патриотической идеи, т. е. с теми, для кого управление государством посредством свободных выборов и демократических принципов не является основополагающей и приоритетной ценностью. Только они, случись (не дай бог!) социальная заваруха в России, могут открыть ему дорогу на политическую арену этой страны. Именно поэтому А. Лукашенко продолжает под-

держивать прямые отношения с губернаторами России, а в Беларусь возит российских журналистов, чтобы они рассказывали у себя на родине о достижениях соседнего государства, о мудрой и успешной социальной и экономической политике, проводимой белорусским президентом. Для него главное — создать имидж самодостаточного и сильного лидера, не боящегося критиковать даже Америку, а иногда — правда, всегда по делу — и нынешнюю российскую власть в лице самого В. Путина. В глазах российских рядовых избирателей А. Лукашенко хочет предстать в облике народного защитника — мол, только он может спасти их от олигархического, воровского капитализма, поддерживаемого американцами и всякими там нерусскими.

Его задача состоит в том, чтобы каждый россиянин сказал себе: «Все, чего он достиг, он сделал без наличия каких-либо природных ресурсов. А если бы у него в распоряжении были газовая и нефтяная трубы?» Надо признать, что президенту Беларуси удалось добиться своего: для большинства простых россиян он такой же русский, как и они, только — что немаловажно — со знаком плюс. И чем больше будет свидетельств того, что В. Путин действительно уходит, тем смелее будет становиться А. Лукашенко, тем больше он будет подбрасывать дров в тлеющий костер раздора во взаимоотношениях с путинской, но не рядовой Россией, мечтающей все отобрать да поделить. Сегодняшнее успешное экономическое развитие России еще не говорит о том, что реформаторам и либеральным государственным деятелям удалось окончательно утвердить там экономическую и политическую демократию. Что для истории каких-то 10–15 лет? Все в одночасье может измениться, как это было, например, в начале XX века: убийство премьер-министра П. А. Столыпина и начавшаяся мировая война

Президенту Беларуси удалось добиться своего: для большинства простых россиян он такой же русский, как и они, только — что немаловажно — со знаком плюс.

привели к социально-политической смуте, закончившейся большевистским переворотом. Кто знает, надолго ли хватит терпения у российского обывателя, если закончатся деньги в стабилизационном фонде — например, из-за резкого падения цен на нефть? И если бы сегодня тамошнему избирателю представилась возможность выбирать между, скажем, А. Лукашенко и Д. Медведевым или А. Лукашенко и С. Ивановым, то, без сомнения, большинство проголосовало бы за белорусского президента.

Через призму этой гипотезы надо рассматривать и все перипетии вокруг строительства так называемого союзного государства. То, что В. Путину так и не удалось в этом вопросе отделить мух от котлет, — несомненная удача белорусского президента. Можно не сомневаться, что тягомотина с объединением будет продолжаться, как минимум, до разрешения проблемы передачи власти в России в 2008 году. Что касается ожидающегося повышения отпускной цены на газ для Беларуси, то с большой долей вероятности можно сказать, что выиграет от этого действия Москвы именно белорусский президент: рядовой российский избиратель не захочет, чтобы малосимпатичные ему московские власти обижали их возможного защитника, к тому же русского, к тому же со знаком качества.

Беларусь — Мировое сообщество

Во внешней политике, проводимой белорусской властью, многое становится понятным, если исходить из предположения, что именно такой она и должна быть у страны, примеривающей президентские одежды своей могущественной восточной соседки. Рядовому белорусу эта политика может казаться странной и непонятной, но он не станет категорично отвергать ее, поскольку в нем еще прочно сидят стереотипы советского человека, помнящего о мощи великой державы. На самом деле эта внешнеполитическая стратегия рассчитана в первую очередь на российского обывателя, который соскучился по демонстрации силы, несколько утраченной Россией за последнее время. Он должен поверить, что именно белорусский президент сможет вернуть его стране подобаю-

щее место, которое когда-то занимал СССР, а теперь должна занимать Россия. Логично даже предположить, что в связи с приближением 2008 года внешнеполитическая активность белорусских властей еще возрастет. Этим можно объяснить стремление Беларуси стать лидером почти забытого уже Движения неприсоединения, участники которого в свое время пытались дистанцироваться от двух противостоящих друг другу военно-политических блоков. Может ли Россия игнорировать в своей внешней политике Китай или арабские страны? Конечно же, нет. Именно поэтому Беларусь и стремится поддерживать с данными странами отношения, поскольку это дает возможность проанонсировать в их информационном пространстве фамилию белорусского президента для более широкого круга лиц, а не только политиков. В эту парадигму укладываются и недавний визит главы государства в Иран, и попытка наладить отношения с ОПЭК, используя дружеские связи с президентом Венесуэлы Уго Чавесом.

Важно отметить еще одну черту, присущую внешней политике белорусских властей. В отличие от лидеров некоторых небольших стран, для которых США стали врагом N 1 и которые неустанно твердят об этом при каждом удобном случае, А. Лукашенко, как и подобает возможному руководителю огромной державы, не может себе позволить скатиться до банальной ругани в адрес стран Запада. Он понимает, что, если он станет Ким Чен Ир, Уго Чавесом или Туркменбаши, президентом России ему не быть. Это не то, что может поддержать рядовой российский избиратель, да тогда бы и США вместе с Западной Европой стали проводить в отношении Беларуси совсем иную политику. Поэтому А. Лукашенко никогда не опускался до прямых публич-

ных обвинений и тем более оскорблений в адрес руководителей США и стран Запада, а наоборот — заявлял о своей готовности сотрудничать с ними, если те признают существующие в Беларуси политические реалии. О том, что он не будет доводить дело до полного разрыва с Западной Европой, свидетельствуют последние контакты В. Коноплева с председателем Парламентской Ассамблеи Совета Европы Рене ван дер Линденом. Успехом официальной дипломатии можно считать и признание Западом Национального собрания в качестве легитимного белорусского парламента. К тому же, когда в отношениях с Западом становилось слишком горячо, А. Лукашенко всегда делал шаг назад. Так было, например, осенью 1999 года, во время проведения Стамбульского саммита глав государств и правительств стран ОБСЕ, когда белорусский президент согласился подписать п. 22 Стамбульской Декларации о политическом урегулировании конституционных разногласий с оппозицией. А. Лукашенко уверен — и для этого у него есть все основания, — что он всегда получит поддержку на Западе, даже если пойдет на символические политические уступки.

Конечно, существует опасность перегнуть палку. И если, например, желание Беларуси построить атомную электростанцию ни у кого на Западе не вызывает никаких возражений, то совсем по-другому могут быть истолкованы рассуждения некоторых белорусских политиков об ошибочности принятого ранее решения о выводе ядерного оружия с территории страны.

В нужный момент российскому избирателю напомнят, как героически А. Лукашенко подхватил из рук России знамя защитника Сербии в пору ее конфликта в 1999 году со странами НАТО и не побоялся при-

лететь во время бомбежек в Белград. Официальный Минск, несмотря на финансовые затраты, с завидным упорством устраивает всякого рода мероприятия, направленные на демонстрацию славянского единства, то проводя всемирные славянские конгрессы, то создавая славянские парламентские собрания и тому подобное. Это не что иное, как сигнал российскому обывателю, что белорусский президент доделывает за Россию то, чем она сама должна была бы заниматься. И кто знает, может, именно человек из Беларуси станет еще одним Пожарским и Мининым одновременно, спасшим Россию во вре-

Официальный Минск, несмотря на финансовые затраты, с завидным упорством устраивает всякого рода мероприятия, направленные на демонстрацию славянского единства, то проводя всемирные славянские конгрессы, то создавая славянские парламентские собрания и тому подобное. Это не что иное, как сигнал российскому обывателю, что белорусский президент доделывает за Россию то,

мена возможной смуты от американского империализма и родного грабительского капитализма, хищнически разбазаривающего природные ресурсы страны.

Власть — Оппозиция

Исходной причиной белорусского авторитаризма являются характерные особенности массового сознания, присущие советским людям и в первую очередь нашим соотечественникам. Это и показное выражение политической лояльности, замешанной на страхе перед возможными репрессиями со стороны властных структур, и верноподданническое отношение — но не к государству как таковому, а к отдельным его представителям (например, к П. М. Машерову), и предрасположенность к конформизму и некритическому восприятию популистских идей и действий господствующей элиты. Но можно ли только этим объяснить исход политической борьбы в 1996 и особенно 1999 годах,

когда белорусская экономика находилась в состоянии глубокого кризиса? Наверное, нет.

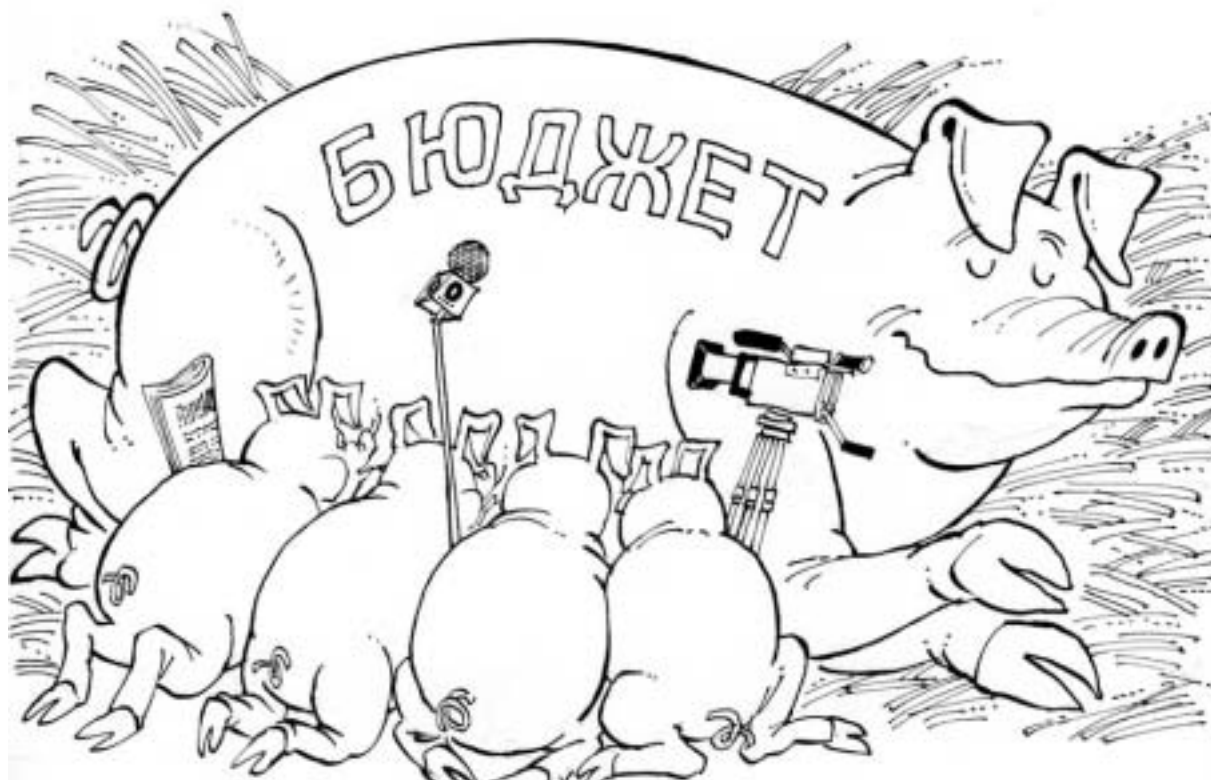
Что с точки зрения науки представляет собой авторитарный режим, наличие которого не отрицают в Беларуси даже «власти предрержащие»? Ответ на этот вопрос можно найти в любом учебнике по политологии. Одной из основных целей авторитарного режима является фактическое лишение граждан права на управление государством посредством проведения свободных и демократических выборов. Авторитаризм — это стратегия, направленная на отстранение социально активных людей от занятия реальной политической деятельностью, это политическая цензура всех средств массовой информации, и прежде всего негосударственных. А. Лукашенко

прекрасно понимает, что не в последнюю очередь благодаря существованию демократических процедур, пусть и несовершенных, ему удалось в 1994 году стать президентом страны. Но закончились ли на этом его политические амбиции? Стал бы он так настойчиво бороться за власть, если бы его планы не выходили за пределы собственной страны? Вряд ли. С другой стороны, может ли он пойти на значительную политическую либерализацию внутри страны в преддверии 2008 года — года президентских выборов в России? Конечно же, нет. Скорее наоборот — следует ожидать политических заморозков. Перед потенциально решающими событиями в его политической карьере у него должны быть надежные тылы. Например, в виде установления контроля — там, где это возможно, — над интернетом. В отношениях с Европой, которая сочувствует оппозиции, но не более того, в целях выигрыша времени будет избрана тактика демонстрации го-

товности идти на какие-то переговоры. Возможно, будут даже сделаны незначительные шаги навстречу настоятельным просьбам европейских структур, как это уже было, например, с обещанием упростить процедуру регистрации профсоюзных структур. Сами же административ-

СМИ сильно преувеличена. Этот вопрос действительно был актуален в 1996 и 1999 годах, но тогда ему уделяли не столь пристальное внимание. Сегодня же это скорее внутренняя проблема самой оппозиции, а не широкой общественности. В силу особенностей массового со-

Кому-то это покажется парадоксальным, но оппозиция слаба потому, что последовательно стоит на демократических принципах, а не на их отрицании. Даже при авторитарном режиме она должна действовать и действует только правовым, законным и ненасильственным путем. В

ные и, реже, уголовные преследования будут продолжаться до тех пор, пока в стране больше не найдется людей, готовых заниматься оппозиционной политической деятельностью. Правовая база, как и в советские времена, под это уже подведена. Это, в частности, уголовная ответственность за дискредитацию Республики Беларусь, за оскорбление чести и достоинства президента и других высших должностных лиц, а также за участие в деятельности незарегистрированного общественного объединения, партии или профсоюза.

Что касается проблемы единства оппозиции, то она в еще оставшихся независимых

знания людям нужна сильная и яркая личность, которой можно было бы поверить и пойти за ней, как это было в 1994 году. За последние годы авторитаризм на белорусской земле пустил такие глубокие корни, которые — в условиях отсутствия полного доступа к избирателю через средства массовой информации, в первую очередь электронные — нельзя выкорчевать даже единением всей политической оппозиции. Тем более на фоне экономического роста, каким бы эфемерным он кому-то ни казался. Это не значит, что такой проблемы не существует вообще, — она, конечно же, есть, но не надо из нее делать *idée fixe*.

условиях демократии она могла бы стать сильной и победить, при авторитаризме же может добиться этого лишь в случае общего кризиса системы. У нас же за слабость оппозицию не ругают только ленивые. Интересно, смогли бы британские лейбористы победить консерваторов на выборах, если бы им пришлось действовать в условиях, схожих с белорусскими? Сильными бы они тогда были или слабыми?

Власть понимает особенности сложившейся ситуации и успешно пользуется ею. Большевикам в начале XX века, фашистам и нацистам в 20-е гг. в этом плане было проще. Они хотели власти — и получили ее, причем им было

все равно, с помощью каких методов ее добиваться. Ведь на пути к своей цели они не брезговали даже террористическими актами и вооруженными восстаниями! А у нас многих из них по-прежнему считают героями.

Однако и правящий режим, проводя политику административных репрессий и преследований, пока не переходит ту грань, за которой начинается тоталитарный режим. Похоже, что авторитаризм цивилизованная Европа стерпит, тем более его воспримет российский обыватель, а вот тоталитаризм — вряд ли. Потому-то у нас пока и не проводятся собрания, на которых народ требовал бы распять врагов народа, нет и всеобщего и безграничного возвеличивания личности президента — ведь, если ты беларусбаши, трудно рассчитывать, что тебя в стремлении стать во главе ядерной державы поддержит рядовой россиянин или этому не станут препятствовать Европа и США.

Главная опасность в том, что настойчивое желание белорусского президента стать полноправным игроком на российском политическом поле представляет угрозу демократии и независимости нашей страны. Может быть, Россия и будет присоединена к Беларуси и случится то, что чуть было не произошло в начале XVII века. Только останется ли тогда на политической карте мира страна с красивым и гордым названием Беларусь?

Идея написать эту, с позволения сказать, трилогию с претенциозным названием («Деды. Отцы. Дети») родилась сравнительно недавно, после весенних выборов президента. Когда одна половина моих соотечественников посчитала теперешние чарку со шкваркой достаточно хмельными и сытными, а вторая осталась при мнении, что не хлебом единым жив человек. То есть может и должно быть в нашей стране и посвободнее, да и посытнее.

...Один дед — кулак, второй — ярый большевик, отец — «вертикальщик», мать — активистка ТБМ, сын — редактор оппозиционной газеты, дочка — начальник идеологического отдела в институте социально-политических исследований при президенте. Такие крутые виражи нескольких поколений одной семьи в современной Беларуси встречаются не на каждом шагу, но все же достаточно часто. И мне искренне кажется, что если мы хотя бы отчасти разберемся в

Деды

Александр КОКТЫШ

Было у меня два деда

Один, по отцу, — «стандартный», многопотомственный крестьянин, малообразованный, видевший свое призвание и утеху в труде на земле.

Другой, по матери, — первый почетный гражданин Ляхович, первый редактор районки, орденосец и пр., и пр. Одним словом, выдающийся человек. По районным меркам, конечно. Именем Александра Астапова названа улица в моем родном городке Ляховичи Брестской области. Не центральная, но все же.

Во время похорон моего знаменитого деда длинная траурная процессия проходила через центр города. Прощальный салют, бесчисленные и богатые по тем временам венки, бесконечный траурный марш городского оркестра. Стоял солнечный, до рези в глазах, день. Как мне тогда казалось, торжественный от большой и светлой пе-

чали — так много было слез, траурных речей и рыданий.

Когда хоронили второго деда — Бронислава Коктыша (для родных, соседей и знакомых — деда Бронися, или Бронека), стоял отвратительный, мрачный, дождливый день, в котором по определению не могло быть большой и светлой печали. Точно так же, судя по всему, думал молодой ксендз, отпевавший моле деда на католическом кладбище. Было заметно, как ему хочется побыстрее покончить со всеми положенными ритуальными обязанностями и нырнуть из той позднеосенней промозглости в такое долгожданное тепло. Покойный хоть и считался «сапраўдным каталіком», но был уж больно неприметен и, что особенно важно, не «заможный». На похоронах собралось немного людей. Родные, соседи, несколько «вернікаў». Сильно плакал только отец.

Во время поминального вечера по деду Бронеку шептались вполголоса: «Разумны быў Бронек».

Когда хоронили деда Астапова, абсолютное большинство провожавших его в последний путь склонялось к мысли, что «если бы все были такими, то давно уже построили бы коммунизм».

...Недавно позвонила мать и сказала, что надо прибрать могилы деда Астапова и деда Бронися — покрасить ограды, оттереть памятники и т. д.

По груди разлилась абсолютно одинакового размера печаль по обоим моим предкам.

***

Теперь я, как и абсолютное большинство из нас, дико жалею, что мало расспрашивал обоих своих дедов, когда они были живы, редко приезжал в гости. Впрочем, «...нікому не патрэбны ён, сум ля сляпых слупкоў». Рыгор Барадулин абсолютно прав.

В памяти остались в основном детали, эпизоды, какие-то

яркие высказывания деда Астапова и деда Бронька. Ну и, само собой разумеется, канва их жизненных путей.

Оба моих деда имеют крестьянские корни. Александр Федотович родился в большой семье староверов. После Гражданской войны столько ртов прокормить было сложно, и, чтобы выжить, часто приходилось жевать... почки деревьев. Потом, правда, стало веселее. Вырисовывались перспективы красного командира со всеми вытекающими. Возможность получить нормальное образование. Так и случилось. Александр Федотович за это был благодарен 1917 году. Посему весь XX век он разделил надвое: до революции и после. До: несправедливо, неправильно и неперспективно. После: исполненные мечты больши-

нства его современников. Конечно же, дед был уверен, что советская власть в 1939 году принесла западным белорусам долгожданную свободу и справедливость. Панов и кулаков — в архив! Революционную энергию масс — на построение светлого будущего! Безудержный оптимизм молодежи, энергия перемен перехлестывали через край.

Александр Федотович рассказывал, каким забитым местечком были Ляховичи до установления там советской власти, чуть ли не сразу сделавшей их довольно развитым промышленным городком. Индустриализация действительно сказала свое слово на моей малой родине. Насколько оно было веское и правильное — это уже другой вопрос. Если бы дед Астапов дожил до развала СССР, то, по моему

глубокому убеждению, воспринял бы это с болью.

Правда, нельзя сказать, что дед Астапов рвал на себе, а главное, на других, рубаху в желании поскорее внедрить в Беларуси советскую власть. Он не стал делать карьеру партийного функционера — после войны отказался от должности третьего секретаря райкома партии. При всех своих заслугах и орденах занимал с женой и тремя дочками половину деревянного дома с удобствами во дворе. И вообще, несмотря на «чистку себя под Лениным» и другими классиками марксизма-ленинизма, смотрел на многие вещи критически. Может, поэтому так рано, в 64 года, и ушел из жизни.

***

Бронислав Михайлович — тоже из селян, но не бедных. Его отец, мой прадед, шил кожухи, что по тем временам считалось занятием престижным и приносило неплохую копейку. Бронись пошел дальше и к моменту воссоединения восточных и западных белорусов имел четыре гектара земли, двух коров, двух коней, про свиней и прочую живность я уже и не говорю. Дед Бронек говорил, что до 1939-го в Ляховичах ежегодно проходили огромные «кірмашы». На четырех гектарах в центре города не умещалось все то, что хотели выставить на продажу. И вообще, «дрэнна жылі толькі лайдакі і п'яніцы. А той, хто працаваў, гора не ведаў».

В сезон мой дед нанимал двух работников, можно сказать, использовал наемный труд, то есть считался подкулачником или этаким кулачком. Поэтому освобождение (или «освобождение» — в кавычках?) Западной Беларуси перед Второй мировой воспринял соответствующе. Он сообразил, чем вся его частнособственническая карьера может закончиться в новых условиях. Одним из первых вступил в совхоз с символическим названием

Александр Астапов

«Октябрь» вместе со всем своим добром. Там он пропал в прямом и переносном смысле до самой пенсии, которая перед горбачевской перестройкой составляла аж 19 рублей 80 копеек. Правда, дед Бронек не пил, не курил, жил более чем скромно. В сезон приторговывал огурцами и зеленью, ежегодно сдавал в заготконтору картошку, яблоки и др. Короче, умудрялся даже время от времени помогать деньгами своему сыну, то есть моему отцу.

Приезд внуков дед Бронек воспринимал как серьезное событие, любил поговорить на самые разные темы, включая и политические. Искренне радовался, когда я переходил на родную мову. При этом приговаривал: «Бач ты, бач ты, ведае мову».

***

Дед Астапов однажды строго заявил мне: «Говори или на белорусском, или на русском. Но не на тряснянке». Он добивался, чтобы у его внуков было чистое русское произношение.

Дедушка по матери ушел из жизни, когда мне было всего семь, но он успел много сделать для меня и моих ровесников, двоюродных братьев. Научил нас играть в шахматы, с почтением относиться к книгам, учебе вообще. Он часто повторял, что образование — это дорога в будущее. Все его шесть внуков и одна внучка получили высшее образование. Один стал кандидатом наук, профессором. Все мы понимаем, что это случилось не без влияния нашего деда по материнской линии. Он сам учился каждый день, выписывал цитаты из разных книг, журналов, газет, интересовался буквально всем — в полной мере занимался тем, что называется самообразованием. Хотел, чтобы и мы этим занимались.

А вот ковыряться в огороде дед Астапов не любил. Да и некогда было. Работа главным редактором «районки» отни-

мала все силы и время. Про совхоз «Октябрь» дед Астапов, конечно, знал — должность обязывала. Но дышал к нему ровно, так как тот числился в крепких «средняках» и общие показатели по району не портил. Впрочем, и славу передовика этот совхоз тоже не снискал. У деда Броника уже само слово «Октябрь» вызывало внутреннее отторжение. Я ни разу не слышал, чтобы он в рассказах о своей работе упоминал это «неудобное» название — просто «саўгас», и все.

Дед Бронек очень по-своему воспринимал основные исторические вехи XX века: «Пры Мікалаі (цар Мікалай II. — А. К.) добра жылося, пры Пілсудскім (лідэр Польшчы ў 1918–1935 гадах. — А. К.) нас асабліва не прыціскалі, пры немцах (1941–1944 гады. — А. К.) быў парадак, а пры бальшавіках — і хочаш, ды не зразумееш, хто лайдак, а хто добры гаспадар». Отдельной строкой у деда Броника, правда, проходил Горбачев (лидер Советского Союза в 1985–1991 гадах. — А. К.), который «дазволіў свабодна да касцёлу хадзіць».

***

Наиболее искренне свое отношение к советской власти мой дед по отцовской линии демонстрировал, когда колол свою или соседскую свинью старым советским штыком-четырёхгранником, оставшимся после войны. Обычно кабанчик, как ты ни старайся, верещит после удара добрых полчаса. У деда Броника кабан уходил в мир иной, сдавленно хрюкнув всего два-три раза. Глубоко удовлетворенный, дед важно отходил в сторону, вытирая кровь со штыка и приговаривая при этом: «Канец камісару!» Все участники действия (кроме моей матери) дружно смеялись, воспринимая крамольные слова как чистую шутку. Но что-то такое чувствовалось в дедовском юморе...

Это сейчас на многие считавшиеся тогда незбылемыми и серьезными вещи смотришь с иронической улыбкой. Впрочем, не все вспоминают недавнее прошлое с иронией. До сих пор многих из нас (и не только людей старшего поколения) греет мысль, что мы когда-то были гражданами великой страны... Все гадости социалистического строя (бесконечные очереди, культ дефицита, отвратное качество одежды, обуви, бытовой техники, безудержное вранье по ТВ и радио и т. д.) воспринимаются теперь не так остро. Оптимизм человеческой натуры неистребим: плохое забывается, хорошее вспоминается чаще.

Мать на мой скептицизм в отношении построенного в Беларуси и в СССР вообще социализма реагирует «железобетонным» аргументом: «Не было бы советской власти, то ты высшего образования не получил бы никогда. В лучшем случае горбатился бы на поле от зари до зари». Правда, дед Броник тоже не хотел видеть меня намертво привязанным к земле. Он мечтал, что кто-нибудь из трех его внуков станет ксендзом.

Дед Астапов очень хотел, чтобы кто-то из его шести внуков стал журналистом. В конечном итоге эту профессию выбрали двое из нас. Наверное, ТАМ ему это приятно осознавать. Правда, мне почему-то кажется, что и дед Броник в своем теперешнем статусе не сильно переживает из-за несбывшейся главной мечты его жизни...

***

Кстати, о ксендзах и верующих вообще.

Несмотря на то, что все генеалогическое древо Астаповых уходит своими корнями в поколение русских стариков, советский офицер, коим к 22 годам стал Александр Астапов, религию всерьез не воспринимал. Более того, позже, как высокопоставленный коммунист, вы-

нужден был изображать решительную борьбу с «опиумом для народа» на многочисленных партсобраниях и в повседневной жизни. Правда, надо отметить, что неприязни к верующим у него не было. И он даже особо не возмущался, когда узнал, что его жена (моя бабушка) крестила в церквушке неподалеку своих дочек. Среди которых была, понятное дело, и моя мать.

Дед Бронек ничего не изображал. Он просто каждое воскресенье, не обращая внимания на причуды погоды, исправно «шыбаваў да касцёлу», находящегося в 18 километрах от его дома. Это был не просто поход ради галочки, необходимой для оформления «пропуска» в райские кущи. Это был образ жизни. Сменив вечные кирзачи на два размера больше и телогрейку неизвестно какого года выпуска на элегантные туфли и польский «багаты» костюм, дед не спеша двигался навстречу своему спасению.

Как я уже сказал выше, дед Бронек уважал только одного советского лидера — Михаила Горбачева. За то, что тот дал возможность верующим открыто общаться с «бацькам нябесным».

Единственный конфликт между мной и дедом Бронек состоялся именно на религиозной почве. По давно заведенной привычке на католическую Пасху мы всей семьей собирались у деда дома. Как-то, лет пятнадцать назад, мы исправно отпраздновали первый день Пасхи, а на второй пошли с отцом помогать нашей бабушке по материнской линии колоть дрова. Не использовать рабочую силу в моем лице, как и в лице двух моих родных братьев, бабуля посчитала непозволительной роскошью. На нашу беду, дед возвращался из костела и проходил мимо бабушкиного двора как раз тогда, когда там всюду кипела работа. Отец, еще издали увидев своего отца, немедленно дал

стрекоча за огороды. В «жернова» дедовского гнева попали трое его внуков. «Вы не каталікі! Вы дзікі!» — грозно кричал дед и тряс в воздухе своим громадным крестьянским кулаком.

Здорово досталось на орехи и бабушке. Таким разъяренным мы видели своего деда первый и последний раз.

***

Дед Астапов был точно в таком же состоянии, когда мы с двоюродным братом Сергеем намазюкали мелом на дедовском доме: «Умираем, но не сдаемся». Летопись героической защиты Брестской цитадели произвела на нас не совсем адекватное воздействие. Дед, увидев нашу писанину (в душе мы ею, конечно же, гордились), тут же заорал: «Люди кровь проливали за эти слова, а вы!..»

Сам дед Астапов пролил в Великую Отечественную и после нее немало собственной крови. Практически в самом начале войны он стал командиром партизанского отряда имени Сергея Лазо, затем — начальником штаба партизанской бригады N 19 имени Молотова. Непосредственно руководил 19 операциями на «железке» — под откос было пущено несколько немецких эшелонов с живой силой и техникой. Ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, медаль «За отвагу» (ею он гордился больше всего по той простой причине, что эту медаль давали за НАСТОЯЩЕЕ мужество и никогда — по благу) — такие награды для партизана были большой редкостью. В любом случае, известная фраза: «Чем дальше в лес, тем толще партизаны», — не про моего деда.

Время от времени я задумываюсь, какая такая сила толкала большого партизанского начальника самому идти на железную дорогу, рисковать жизнью...

Уже после войны на деда Астапова с женой во время поездки в соседнюю деревню

напали бандиты. Пришлось отстреливаться. Деда ранили. Он долго болел. До конца своих дней подволакивал левую ногу.

Будучи учеником, я проводил в школьном музее экскурсии, рассказывал про боевые заслуги собственного деда. В этих рассказах, само собой разумеется, фигурировали факты, цифры, даты, награды... Про детали говорить было не принято. А зря. Между боями, несмотря на грязь, цинизм и жестокость войны, мой тогда молоденький дед писал стихи. Не ура-патриотические, а лирические, даже слегка слезливые...

Долго я не мог в это поверить — дед перед нами, своими внуками, предстал в основном строгим и, я бы сказал, немного жестковатым.

***

Дед Бронек воевать не любил и, честно говоря, не хотел. Что ему понравилось во всей военной чехарде тех лет, так это быть польским «жаўнежам». Получилось прибыльно: кавалерист «войска польского» уволился со своей службы в новых сапогах, с приличным отрезом батиста и теплым пальто. А вот Великая Отечественная, как и «освобождение Западной Беларуси», большого энтузиазма у деда Бронися не вызвали. Он даже гордился, что за все время ношения погон бойца Красной Армии выстрелил из трехлинейки по врагу всего два раза. И то в воздух. Из всей войны, вернее, той ее части, в которой он принял личное участие, дед Бронек вспоминал только один эпизод, когда немцы окружили их подразделение. Его командир, майор, трясся от страха в каком-то сарае, при этом исступленно молился, надеясь остаться в живых. Этим самым он как бы доказывал деду, что без Бога не могут обойтись даже самые завзятые командиры-большевики. Майора,

правда, все равно расстреляли...

Но дед Бронек мне потом постоянно повторял: «Бачыш, Сашка, і маёры ад Бога не адмаўляюцца».

Как будто майоры сделаны из другого теста...

***

После службы в армии мне попала в руки фотокарточка деда Астапова еще довоенных лет, очень плохого качества, к тому же с темно-коричневым отливом. На ней молоденький лейтенант с двумя кубиками в петлицах дерзко смотрит в свое будущее. Практически такого же качества был у меня фотоснимок и второго деда. Новоиспеченный «жоўнеж» в бравой конфедератке на добром коне — совсем не воинственный, но с винтовкой.

Попросил фотографа, постоянно предлагавшего тогда в нашей большой общаге свои услуги, увеличить эти две карточки и поработать над качеством изображения. Получились изумительной выразительности портреты. Симп্যাга-лейтенант до сих пор висит у меня на стене. А «жоўнеж» перебрался в

Америку — уж очень мой средний брат Дима похож на Бронислава Михайловича.

Надо будет попросить брата сделать копию этого единственного военного снимка деда Бронисля...

***

Жилище деда Астапова, включая чердак, было завалено снимками популярных артистов советской эпохи, художественными, историческими, научными книгами, раз-

ными журналами, тетрадками с записями.

В доме деда Бронек на почетном месте хранились Новый завет на польском языке и несколько старых фотографий родных и близких. Возле печки постоянно красовалась не-

Бронислав Коктыш

большая стопочка старых книжек для... растопки. Тем не менее в свободные от работы часы дед Бронек любил почитать газеты, которые по его просьбе я привозил во время нечастых визитов. Не чурался он и живого общения со своими соседями, которое заменяло ему и телевизор, и радио, и интернет. Телевизор, кстати, у него все же появился. Уже в последние годы его жизни.

***

Когда встал вопрос дележа оставшегося после смерти моих дедов и бабушек имущества, наша многочисленная родня не перессорилась, как это часто бывает. После деда Бронек и его рано умершей супруги остался домик, в котором теперь живет его дочь, моя тетя. Половина деревянного дома с удобствами во дворе лет пять назад была продана, а вырученные небольшие деньги поровну поделены между тремя дочками четы Астаповых (бабушка пережила своего мужа на 25 лет). Вклады, хранившиеся на сберкнижках, «благополучно» сгорели во время павловской реформы 1991 года. Больше движимого и недвижимого имущества ни тот, ни другой не накопили...

Зато, как шутили мои друзья в начале 90-х прошлого столетия, у меня были «блестящие отмазки при любом раскладе»: «Если бы к власти пришли гэкачеписты, ты бы прикрывлся знаменитым дедом-партизаном. Если бы Зенон (Зенон Пазняк. — А. К.) стал президентом, ты бы про «шчырага беларуса» деда-подкулачника рассказывал, как тот комиссаров не любил».

Почему в нашем обществе до сих пор бытует мнение, что нужно что-то или кого-то «предъявлять», чтобы остаться на плаву и просто жить, не боясь за своих родных и близких?

***

Кстати, до сих пор главный редактор ляховичской районки считает меня предателем памяти моего деда —

Александра Астапова, который был одним из самых активных строителей социализма в районе. Мол, не оправдал я возложенного на меня высокого доверия — встал на скользкую дорожку критиков теперешней власти, радеющей исключительно о благе народном.

Некоторые мои родственники вообще не понимают, как это я смею ставить в один ряд деда Астапова и деда Бронька. Первый — заслуженныйперезаслуженный, второй не представляет собой никакой общественной значимости. Вот только как определить эту самую значимость?

***

Было у меня два деда. Два образа жизни. Какой из них более правильный или более праведный? Как бы себя повели мои деды в наши дни?

Я, например, совсем не уверен, что честный и бесстрашный Астапов однозначно гнул бы лукавую «генеральную линию» теперешних белорусских властей. А, мягко говоря, несмелый дед Бронька отыскал бы на чердаке свою кавалерийскую пику и пошел бы с ней на какого-нибудь беспредельщика из местной «вертикали», занимающейся время от времени все тем же — «раскулачиванием» слишком уж успешных и деловых.

(Продолжение следует)

Наша Ніва

100 год Першай Беларускай Газэце з Рысункамі

Аляксандар Старыкевіч ад БАЖу уручыў традыцыйны бел-чырво-на-белы букет. А пісьменьнік Уладзімер Арлоў сваімі жаданымі ды чаканымі творамі прываблівае да «НН» новых удзячных чытачоў.

Першы нумар «Нашай Нівы» пабачыў сьвет 10 лістапада 1906 г. Як і сто гадоў таму, газэта існуе ў няпростых варунках: уціск з боку ўладаў, афіцыйная прэса атрымлівае субсыдыяваньне зь бюджэту, недзяржаўныя ж выданьні, якім канстытуцыя гарантуе роўныя ўмовы, вымушаныя існаваць на ахвяраваньні сваіх чытачоў.

Андрэй Скурко (галоўны рэдактар) і Андрэй Дынька (шэф-рэдактар) — цяперашні рэдактарскі корпус «Нашай Нівы».

АБ'ЕКТЫЎна

Але, нягледзячы на ўсе цяжкасці і выпрабаванні, абсалютна відавочна, што сто гадоў гісторыі незалежнага друкаванага слова не прайшлі марна. А маладыя аўтары адроджанай газеты маюць усе шанцы стаць клясыкамі нацыянальнае літаратуры. «Наша Ніва» выхоўвае новыя і новыя пакаленьні беларусаў, якім, дасьць Бог, пашчасьціць зьдзейсьніць заповітныя мары стваральнікаў першай беларускай газеты.

Для вечарыны ў гонар 100-гадовага юбілею беларускай газеты «не знайшлося» памяшканьня большага за пакой Управы БНФ. Таму сьвяточную праграму давялося паўтараць двайчы.

Гарадзенская пустэча

Міхась КАРНЕВІЧ

Недзяржаўныя грамадска-палітычныя СМІ практычна знішчаныя. Прынамсі, у нас на Гарадзеншчыне адзін раз на тыдзень выходзіць толькі адна недзяржаўная грамадска-палітычная газета ў раённым Слоніме, яе наклад трошкі больш за 10 тысяч асобнікаў. На гэтым усё. Як некалі любіў паўтараць той вусаты, ёсць чалавек — ёсць

Дарэчы, Гарадзеншчына — яскравы прыклад «зачысткі» інфармацыйнага поля ад «няправільных» выданняў. Тут адбыўся першы крымінальны працэс над «Пагоняй», пасля чаго газеты не стала. Журналіста і рэдактара прысудзілі да абмежавання волі і адправілі «на хімію». Быў 2002 год. Тады яшчэ на суд у Гродна з'язджаліся журналісты з самых розных незалежных выданняў. Тут ім прапаноўвалі паказальны працэс на будучае: што іх чакае, калі будуць крытыкаваць чыноўнікаў. Але самае дзіўнае, што пазней па чарзе ўсе недзяржаўныя газеты будуць закрываць менавіта паводле той самай фармулёўкі: «за абразу...». Ці журналісты так нічога і не ўцямілі, ці ўлада нічога новага больш не прыдумала?..

Наогул, вучыцца не толькі працаваць, але і выжываць, даводзілася ўвесь час, пакуль жыла наша газета «Біржа інфармацыі». Прычым вучыліся ўсе разам, а потым яшчэ вучылі юнакоў і дзяўчат, якія прыходзілі да нас і невядома з якой трасцы вельмі хацелі стаць журналістамі.

Неяк напрыканцы 90-х дзвялося наведаць Кіеў і пабываць у некаторых тамтэйшых рэдакцыях. Памятаю, пагартайшы газету, здзівіўся, што ў ёй цалкам адсутнічала рэклама, і таму натуральным пытаннем да рэдактара было: «А за што вы жывеце?» Задаволе-

Алена Раўбецкая, рэдактар «Біржы інфармацыі»

ная кабетка толькі ўсміхнулася ў адказ і папрасіла сакратарку зрабіць нам кавы з каньяком.

Аказалася, іх выданне ўтрымліваў мясцовы алігарх,

ён за ўсё і плаціў. Праўда, і тэматыка газеты цалкам залежала ад ягоных прыхільнасцяў і густаў.

Я тады яшчэ пасмяяўся, што сітуацыя па сутнасці нагадвае часы савецкай партыйнай прэсы, толькі са сваімі алігархічнымі асаблівасцямі.

Кіеўская калега на мяне глядзела са здзіўленнем, калі я распавядаў, што, акрамя напісання матэрыялаў, трэба знайсці фірму, якая гандлюе самай таннай паперай, замовіць транспарт, каб яе прывезці, утрэсці пытанні з поштай і экспедыцыяй. Падумаць, дзе і як прадаць газету, дамовіцца з дзяржаўнымі крамамі, каб яна ляжала ў іх на прылаўках, колькі разоў пасварыцца з міліцыянтамі, якія не дазваляюць гандляваць на рынках прыватным распаўсюджвальнікам, і г. д.

Дарэчы, беларускія афіцыйныя выданні таксама знаходзяцца за пазухай у алігарха. Гэтым алігархам была і застаецца дзяржава. На грошы падаткаплацельчыкаў утрымліваліся і працягваюць утрымлівацца большасць дзяржаўных СМІ. Дасаткова звярнуцца да афіцыйных лічбаў за апошні год. З нашых кішэняў вымаюць больш як 100 мільярдаў рублёў дзеля таго, каб аддаць грошы тым, хто можа і павінен сам іх зарабляць. Заўважце, вялікія сумы выдаткоўваюцца не на дзяцей-сірот ці нямоглых пенсіянераў... І гэта нягледзячы на тое, што ў дзяржаўных СМІ заўсёды былі меншыя вытворчыя расходы: танней каштавала папера, паліграфічныя паслугі, дзяржава аплачвала і дагэтуль аплачвае іх камунальныя выдаткі, сродкі камунікацыі, арэнду рэдакцыйных памяшканняў, транспарт і г. д. У адзінай у Гродне дзяржаўнай друкарні ніколі не пачыналі друкаваць нашу газету, пакуль

не выпускаць дзяржаўную. Маўляў, а калі станок зняацку зломіцца... Афіцыйную прэсу прадаюць паўсюль, распаўсюджваюць бясплатна, арганізуюць «добраахвотна-прымусовую» падпіску. Мы ж вымушаны былі ставіць цану ў 300 рублёў, калі дзяржаўную газету прадавалі па 100 рублёў за асобнік. І гэта ў

адміністрацыйнага ціску: ліст чыноўніка да кіраўнікоў дзяржаўных прадпрыемстваў загадваў размяшчаць свае аб'явы толькі ў дзяржаўных СМІ. Пасля чаго з боку дырэктароў прадпрыемстваў прыкметна павяяла халадком. Яны хутка навучыліся арыентавацца ў «правільным» кірунку. Хаця, калі размаўлялі з намі сам-на-

Акцыя салідарнасці з журналістамі «Пагоні»

той час, калі большасць насельніцтва магла дазволіць сабе набыць толькі адно выданне.

У гарадзенскай друкарні мы не маглі нават атрымаць каштарыс, у якім распісаны ўсе эканамічныя чыннікі на выпуск газеты. Кіраўніцтву друкарні забаранілі даваць такую інфармацыю. У гэтых умовах нам трэба было канкураваць.

А такі важны момант як рэклама! Большасць незалежных газет у раёнах пэўны час нагадвалі дошку аб'яў, і толькі потым — сродак масавай інфармацыі. Таму што з гэтага жылі. У афіцыйныя ж выданні рэкламу часта накіроўвалі з дапамогай

сам, прызнаваліся, што газета ў нас добрая, ім падабаецца, толькі вось зрабіць яны нічога не ў стане. На жаль, іх сардэчныя словы выправіць нашы праблемы не маглі. Размовы заставаліся размовамі, а чыноўнікі працягвалі выконваць загады «зверху» і моцна трымаліся за свае крэслы. А мы тым часам развівалі і шукалі новыя рэкламныя праекты, якія б прыносілі карысць і нам, і рэкламадаўцам.

Праўда, былі выпадкі, калі кіраўнік прыватнай фірмы званіў і прапаноўваў рэкламу, хаця яна і не была яшчэ патрэбна. Проста чалавек хацеў фінансава падтры-

маць нашу газету. Такія выпадкі былі не адзінкавыя.

У гэтай канкурэнцыі тым не менш выйгравалі незалежныя газеты. Бо спажываючы ўсё ж цікавіла інфармацыя праўдзівая, аб'ектыўная, усебаковая. Памятаю, нашы першыя сацыялагічныя даследаванні засведчылі, што 88% чытачоў купляюць газету дзеля атрымання інфармацыі. А толькі потым — дзеля тэлепраграмы і рэкламы. У Гародні з большай ахвотай куплялі «Біржу інфармацыі», чым «Гродзенскую праўду»; «Новая газета Смаргоні» заткнула за пояс дзяржаўную раёнку «Светлы шлях»; у Ваўкавыску жыхары пачалі аддаваць перавагу незалежнай «Местной газете», а не рупару ўлады «Наш час». І ў Слоніме значна большую цікавасць выклікала і дагэтуль выклікае недзяржаўная «Газета Слонімскай», чым яе «вертыкальная» канкурэнтка.

Вядома, гэта бачылі і мясцовыя ўлады. Як правіла, узаемадачыненні з імі абвастраліся напярэдадні выбараў ці чарговага рэферэндуму. «Біржы інфармацыі» нават тройчы давялося шукаць памяшканне. Былы мэр Гародні гэтак раззлаваўся на нас, што прысылаў загадчыка аддзела выканкама з сякерай, каб той пасёк праводку ў нашым «офісе», бо мы пратэставалі супраць незаконнага высялення. А ў «Новую газету Смаргоні» перад кожнымі выбарамі накіроўвалі пажарніка, каб ён апячатаў памяшканне рэдакцыі, бо там, маўляў, пачное ацяпленне, «няправільная» выцяжка і «няправільныя» краты на вокнах. Колькі нерваў і сілаў на ўсё гэта трацілася...

Зрэшты, некаторыя рэдакцыі перажывалі значна большыя «прыгоды» з атрыманням юрыдычнага адраса, узгадненнем яго падчас рэгістрацыі газеты, з арэндай памяшкання, распаўсюджваннем выдання, правядзеннем падпісной кампаніі і г. д. Даходзіла да абсурду:

адзін гарадзенскі журналіст вырашыў зарэгістраваць уласную газету, і ў мясцовым выканкаме яму павінны былі даць згоду на размяшчэнне юрыдычнага адраса. На запыт нашага калегі прыйшоў адказ: «Размещение еще одной газеты в городе считаем нецелесообразным...» Дарэчы, за ўсе здэклівыя і супрацьзаконныя адмовы яшчэ ніхто з чыноўнікаў не быў пакараны.

Самая галоўная цяжкасць у дзейнасці незалежных СМІ заключаецца ў пазбаўленні іх права на атрыманне інфармацыі. Хаця гэта права ўсім нам гарантуе Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь, чыноўнікі толькі выскаляюцца. ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» шмат выступае на гэты конт, праводзіла шырокі маніторынг парушэнняў правоў журналістаў у нашай краіне. Але ўлады дагэтуль глухія. Абсурд працягваецца. Незалежным журналістам адмаўляюцца даваць самую звычайную інфармацыю.

А бывала і горш: амапавец збіў нашага журналіста Дзіму Ягорава падчас выканання ім сваіх службовых абавязкаў, разбіў фотаапаратуру. Колькі рэдакцыя не звярталася ў пракуратуру — усё безвынікова. Нават цяжка ўявіць, з чым можна параўнаць юрыдычную безабароннасць незалежных журналістаў у нашай краіне.

Апошняга рэферэндуму «БІ» перажыць не здолела. Занадта часта ў апошнія гады ў Гародні бунтавалі прадпрымальнікі, менавіта з заходняга рэгіёна паходзілі агульнанацыянальныя апазіцыйныя лідэры. І аб усім гэтым пісала наша «Біржа інфармацыі». Дарэчы, мы не падтрымлівалі ніводную палітычную сілу і не імкнуліся да рэзкай крытыкі. Галоўнае, што хацела зрабіць рэдакцыя, дык гэта даць кожнаму з апанентаў магчымасць выказацца. А чытачам — магчымасць самім ва ўсім разабрацца. Памятаю, як здзіўна падчас

выбараў у мясцовыя Саветы рэагавалі кандыдаты ад улады на мае прапановы размясціць пра іх матэрыял. Маўляў, а колькі за гэта трэба плаціць? Калі я адказваў, што рэдакцыя задарма аддае аднолькавую плошчу газеты кожнаму з кандыдатаў, гэта іх здзіўляла! Казалі: «Будзем думаць», — але так нічога і не прымудлялі, каб нешта новае расказаць выбаршчыкам. Тым часам у дзяржаўных газетах з'яўляліся іх сухія пракламацыйныя выступы з біяграфіяй і аб'яцанкамі...

У нас была вельмі цікавая рубрыка «100 тэлефонных званкоў гродзенцам». Рэдакцыя імкнулася даць нашым чытачам магчымасць выказацца па самай вострай праблеме тыдня. Памятаю, як нават дзеці, калі падымалі слухаўку, радасна крычалі: «Мама, тата, і да нас патэлефанавалі з «Біржы»...» Гэты дыялог з чытачом мы вялі да апошняга нумара. Таму з упэўненасцю магу канстатаваць, што мы былі патрэбны адно аднаму.

І усё ж апошні рэферэндум мы не перажылі: наш рэдактар Алена Раўбецкая была асуджана адміністрацыйным судом «за абразу прэзідэнта», і на падставе гэтага Міністэрства інфармацыі прыпыніла выхад газеты на шэсць месяцаў. Пасля гэтага «Біржу інфармацыі» адмовіліся друкаваць усе беларускія друкарні, нават прыватныя.

Пасля апошняга рэферэндуму прыпыніўся выхад і ваўкавыскай «Местной газеты». Нейкі час яны спрабавалі друкавацца ў Смаленску, але потым рэдактар наогул вымушаны быў з'ехаць у эміграцыю. Практычна ў той самы час «дабілі» і «Новую газету Смаргоні»...

Журналісты засталіся без працы, чытачы — без любімых выданняў. Вось гэтак усё проста ў нашым жыцці. Хаця некаторыя мае знаёмыя яшчэ дагэтуль пытаюцца, як справы, — маўляў, трымайце-

ся... Я ж маўчу, бо не ведаю,
што адказаць.

Гарадзеншчына зараз на-
гадвае інфармацыйную пустэ-
чу. А тое, што друкуюць дзяр-
жаўныя рэгіянальныя СМІ, не
задавальняе нават тых, хто ў
іх працуе. Аднабаковасць не
проста стамляе, а прыгнятае і
раздражняе людзей. Усяму
свой час...

Нядаўна споўнілася
230 гадоў першай у Беларусі
«Газеце гродзенскай». Яе лёс
таксама быў нядоўгі, але тое,
што яна мусіла зрабіць, свед-
чыць аб пачатку новай эпохі ў
нашай гісторыі. Мне здаецца,
што «Біржа інфармацыі», як і
іншыя незалежныя выданні,
зрабіла ў будучыню Беларусі
адметны ўнёсак. Яны яшчэ
абавязкова вернуцца да сваіх
чытачоў, нават калі камусьці
гэтага не хочацца.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СМИ НЕ МОГУТ ПРЕТЕНДОВАТЬ НА ДОВЕРИЕ ЛЮДЕЙ

Швеция стала первой страной в мире, где обратили внимание на необходимость законодательного закрепления одного из важнейших прав человека — права на информацию. Закон о свободе слова и печати, гарантировавший гражданам доступ к информации, а СМИ — возможность ее распространения, был принят еще в 1766 г. Многолетняя традиция свободы слова и печати повлияла на форму собственности масс-медиа в Швеции: сегодня в стране нет государственных СМИ. О том, как организовано и какими принципами в своей работе руководствуется одно из крупнейших масс-медиа

— Г-жа Бруннберг, Шведское радио — это негосударственная структура. В чем, на Ваш взгляд, преимущества такой формы перед государственной. Или, может быть, наоборот — в чем ее недостатки?

— Сейчас на медиарынке Швеции есть два вида масс-медиа — это Public Service (общественные) и коммерческие СМИ. Госуда-

независимой и объективной информации. Так же как, например, и суды должны быть отделены от государства и независимы. Только в этом случае они могут быть объективны.

Можно сказать, что Швеция находится на хороших позициях в том, что касается свободы слова и печати. У нас независимость средств массовой информации определяет один из

например, нельзя публиковать информацию, которая может нанести ущерб государству или безопасности личности.

Повторю, для того, чтобы мы могли быть объективны, мы должны быть независимы. Поэтому депутаты парламента Швеции инициировали создание Public Service — общественных средств массовой информации. Было принято решение, что каждый человек, у которого есть дома телевизор и радиоприемник, должен платить определенную сумму за право пользования ими, т. е. приобретать лицензию. Ее стоимость — около 2 тыс. крон в год.

Деньги от продажи лицензий поступают в фонд, который так и называется — Радиотелевизионный фонд. Каждый год правительство представляет парламенту для утверждения уровень стоимости этой лицензии, но он практически никогда не меняется. И каждый год правительство вносит в парламент предложение о том, что мы из этого фонда должны получать 5 млрд. крон. Мы — это радио и телевидение. Министр финансов и правительство не имеют права взять из этого фонда ни копейки. Это целевые деньги граждан. Поэтому это не налог, а именно лицензия.

— Кто владеет Public Service?

рственных масс-медиа в Швеции нет. Я вообще не верю в государственные средства массовой информации, поскольку считаю, что они не могут претендовать на доверие людей. Граждане должны иметь возможность свободного выбора. Отсюда вытекает, что у них должен быть доступ к

конституционных законов, принятых еще в XVIII в. В двух словах его можно охарактеризовать следующим образом: кто угодно может начать издавать газету и публиковать в ней практически все, что угодно. Но есть несколько исключений, регулирующихся законом о свободе печати:

— По форме собственности это акционерное общество, но акции не имеют стоимости, это символические документы. Для примера рассмотрим структуру Шведского радио. В руководящий состав входят генеральный директор, правление и попечительский совет, куда входят люди, которые назначаются правительством и представляют разные сферы деятельности. Попечительский совет решает две задачи: он формально владеет Шведским радио, т. е. является держателем номинальных акций, и выбирает всех членов правления, кроме председателя, кандидатуру которого утверждает правительство. Правление назначает генерального директора.

Перед правлением стоят две задачи: оно отвечает за экономическую сторону деятельности Шведского радио и следит за тем, чтобы наша работа отвечала тем целям, которые определены в лицензии на вещание.

Такая многоступенчатая система создана для того, чтобы избежать зависимости от правительства или политиков. Кто же тогда говорит нам, что мы должны делать? Кто определяет содержание нашей работы?

Раз в пять лет правительство вносит в парламент предложение о нашей лицензии на вещание, в которую включены основные направления деятельности Шведского радио. У нас должны быть культурные программы, новостные, религиозные, программы для детей и т. д. В самых общих чертах определяется, что мы обязаны способствовать развитию демократии и быть независимыми, объективными и релевантными при освещении событий. Но при этом нам не диктуют, каков должен быть объем религиозных программ по отношению к программам культурным или как мы должны их делать.

— Кто, в таком случае, это определяет?

— Генеральный директор. Он предлагает свою концепцию структуры вещания правлению, оно и принимает окончательное решение.

По шведским законам никто не может позвонить мне или любому другому сотруднику Шведского радио и сказать, что завтра мы должны делать программу на такую-то тему, или заставить пригласить на

Чертсин Брунберг

интервью какого-то конкретного человека. Только мы сами определяем, что нам делать. Но, естественно, общество имеет представление о нашей деятельности. Каждый год мы составляем рапорт, в котором даем отчет, как мы потратили выделенные нам деньги. Этот рапорт идет в специальную комиссию, которая осуществляет надзор за вещанием, и она оценивает, насколько наша работа соответствует лицензии на вещание и каково ее качество.

Иногда члены комиссии высказывают критические замечания. Например, они могут спросить, почему в этом году было меньше детских программ по сравнению с предыдущим годом. Это нужно исправить. Или нам могут порекомендовать улучшить с технической стороны качество звучания, потому что в комиссию поступило много нареканий от слабослышащих людей.

Слушатели, если кому-то из них что-то не понравилось в наших передачах, могут обращаться в надзорную комиссию по вещанию с жалобами. К примеру, кто-то обнаружил неточность в нашей программе или кому-то показалось, что мы не дали возможность выступить всем сторонам какого-либо конфликта. Надзорная комиссия — это своего рода суд, который рассматривает обращение — слушает передачу и определяет, совершили мы ошибку или нет.

Существуют четыре правила, которым мы обязаны следовать. Мы должны быть объективны, т. е. нам необходимо заботиться о том, чтобы в наших передачах были представлены все мнения, а не точка зрения одной стороны. Мы должны следить за тем, чтобы то, о чем мы говорим, соответствовало действительности. Мы должны критически смотреть на то, что происходит в стране. В основном это касается политической жизни. И, наконец, мы должны быть независимы.

Это наши собственные, выработанные здесь, на Шведском радио, программные правила. Есть также практические рекомендации, как эти правила реализовывать, а также инструкции, как поступать в том или ином случае. Например, разъясняется, имеешь ли ты право не предупреждать человека, говорящего с тобой по телефону, что ты уже записываешь разговор. Или рассматривается такая ситуация: во время работы в прямом эфире твой собеседник начинает призывать к насилию. Журналист обязан тут же возразить.

Я бы хотела еще раз отметить, что мы не государственное радио. К сожалению, многие, особенно те, кто приехал из бывших коммунистических стран Восточной Европы, не видят разницы. Люди выросли с государственным радио,

и даже если они не считают нас таковым, то, может быть, не совсем понимают, почему нет государственного радио. Я недавно была в Албании, и в числе вопросов, которые мне задавали, был такой: «Сколько времени в неделю отведено премьер-министру на его официальные выступления?»

Существуют исследования, которые сравнивают различные формы национального радиовещания, в том числе разные виды Public Service, поскольку среди них есть масс-медиа, финансируемые государством из налоговых средств. Так вот, в графе «доверие населения» та форма, которая существует в Швеции, когда есть четкое разделение между государством и Public Service в финансовой сфере, занимает самые высокие позиции.

— *Какова структура вещания Шведского радио?*

— Новости занимают 15% объема вещания, общественно-политические программы — 20%, культура — 6%, музыка — 47%, спорт — 3%, развлечения — 6%, религиозные программы и тому подобное — 3%.

— *А реклама?*

— У нас нет рекламы. У других корпораций Public Service она есть, но я считаю это неправильным, потому что это ставит под сомнение независимость.

— *Насколько сопоставимы объемы вещания Шведского радио и коммерческих станций?*

— В Швеции нет ни одного национального коммерческого радиоканала, только локальные. Их 98, и все они в основном транслируют музыку. На Шведском радио есть два музыкальных канала — классического и более современного направления. Один из этих каналов передает около 17 тысяч оригинальных музыкальных номеров каждый год, а все коммерческие радиостанции вместе взятые — примерно 800. Поэтому сравнивать практически невозможно.

Шведское радио, какой бы сегмент мы ни взяли, занимает примерно 65% эфира, а остальные 35% приходятся на коммерческие каналы.

— *В новостях преобладает информация о внутренней жизни страны или о событиях за рубежом?*

— Соотношение примерно такое: 60% — шведские новости, 40% — международные. Моими стараниями редакционная политика была изменена так, что мы тратим основную часть денег на корреспондентов в разных точках земного шара, чтобы иметь собственную информацию, а не только сообщения телеграфных агентств. Например, сейчас у нас есть сотрудники в Турции и Китае. И можно сказать, что у нас самая широкая сеть зарубежных корреспондентов среди всех медиа-корпораций Северной Европы. Почему? Потому что сейчас молодые люди много ездят, работают за границей, связи с другими странами стали более интенсивными, и мы становимся все более зависимыми от того, что происходит за рубежом. К тому же в Швеции живет много иммигрантов, поэтому для них очень важно, чтобы мы давали информацию о событиях в мире, в тех государствах, откуда они приехали. Мы должны, по крайней мере, пытаться создать альтернативу CNN.

— *Присутствует ли в шведских новостях информация о Беларуси?*

— Новости есть, когда в вашей стране происходит что-то большое и важное. Но в последнее время я стала уделять больше внимания информации о вашем государстве и вынуждена с сожалением и стыдом констатировать, что мы, конечно, могли бы освещать зарубежные события шире. Особенно если учесть, что у нас теперь есть Белорусская редакция, где работает ваш соотечественник Дмитрий Плакс. Он может давать информацию более разнообраз-

ную и интересную, чем та, которую мы получаем от Шведского телеграфного агентства или от нашего корреспондента в Москве.

Конечно, играет роль то, что всегда не хватает эфирного времени, а с другой стороны — экономические вопросы. Посылать журналиста в Беларусь стоит денег. Я лично считаю, что мы могли бы, наверное, сделать что-то большее не только в плане новостей, но и, скажем, в отношении нашего культурного вещания.

— *Г-жа Бруннберг, Вы много лет совмещаете работу на Шведском радио с деятельностью в правлении Института повышения квалификации журналистов (FOJO). Несколько слов о том, чем занимается эта структура.*

— FOJO был создан в 1972 г. Это государственная организация при Кальмарском университете. Так сложилось, что мое поколение журналистов в Швеции было первым, получившим академическое образование. Людям, которые работали в журналистике много лет до нас, не хватало тех знаний, которые получили мы. Поэтому и был основан FOJO. Сейчас ежегодно здесь повышают квалификацию 1500 журналистов.

Желающих усовершенствовать свое мастерство больше, чем учебных мест, поэтому среди кандидатов проводится конкурс. Мы в качестве работодателя имеем договор с FOJO, где указано, что возможность обучения на курсах предоставляется тем журналистам Шведского радио, которым это необходимо. Если кто-то из наших сотрудников хочет усовершенствовать свои знания, мы гарантируем ему зарплату на период прохождения этих курсов (они довольно краткосрочные, неделя-две). Обучение бесплатное, но дорогу, питание и проживание журналисты оплачивают сами.

В начале 90-х гг. FOJO стал реализовывать международные проекты, которые финансирует Шведское агентство по развитию и международному сотрудничеству SIDA. Они связаны с образованием журналистов за рубежом, в основном в тех странах, где нет развитых демократий, т. е. во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Палестине. Программы реализуются также в России и Беларуси, вообще по ним проходят обучение 800–900 человек.

Но тут следует отметить, что мы работаем в тех странах, где есть интерес к деятельности FOJO, иначе говоря, там, где государственная политика поощряет или стремится поощрить демократические процессы. Либо там, где есть институции, которые, вопреки государственной политике, имеют смелость и пытаются развивать подобные сферы.

*Беседовала
Лариса МИХАЛЬЧУК*

Першы блін усё ж падкамачыўся

Даўно не даводзілася пісаць артыкулаў, адной з гераіняў якіх была б я сама. Таму, калі што, адразу прашу прабачэння за магчымую суб'ектыўнасць. Тым больш заданьне ад рэдактара дасталася нялёгкае: распавесці пра беларускіх студэнтаў, якія сёлета сталіся ўдзельнікамі стыпэндыйнай праграмы імя

3 чаго ўсё пачыналася

Стыпэндыйная праграма імя Кастуся Каліноўскага была заснаваная ў сакавіку 2006 году паводле Мэмарандуму аб намерах, які падпісалі тагачасны прэм'ер-міністар Польшчы Казімеж Марцынкевіч і адзіны кандыдат на прэзідэнцкіх выбарах ад аб'яднанай беларускай апазыцыі Аляксандар Мілінкевіч. Асноўнай мэтай праграмы абвешчалася падтрымка беларускіх студэнтаў, выключаных з ВНУ за ўдзел у мірных акцыях пратэсту. Польскі бок выказаў намер давучыць 300 юнакоў і дзяўчат у сваіх ВНУ за сродкі ўраду й да таго ж выплачваць стыпэндыю, прычым, нават па польскіх мерках, немалую. Палякі, якія ведаюць, што такое салідарнасць, праявілі яе ў дачыненні да нас. На адкрыцці праграмы найперш сам Марцынкевіч, а таксама і арганізатары зь беларускага боку, неаднаразова падкрэслівалі што адабраныя стыпэндыйныя — будучая інтэлектуальная й кіроўная эліта Беларусі, бо ім дадзена магчымасць вучыцца ў эўрапейскіх ВНУ, пераймаць досвед палякаў у пабудове дэмакратычнай краіны, правядзены рэформаў і г. д.

Сама праграма апроч гаванаванай стыпэндый і аплаты за навучаньне прадугледжвала трохмесячныя моўныя курсы (вучыцца мы ўсё ж пачалі па-польску), а таксама знаёмства з Польшчай, яе гісторыяй і культурай падчас вандровак па ўсёй краіне.

Адборам удзельнікаў займаўся беларускі Камітэт дапамогі рэпрэсаваным. Кандыдатам трэба было запоўніць анкеты, прадставіць дакумэнты, якія б пацвярджалі затрыманьні, перасьлед, адлічэнне з ВНУ і інш. І, на маю думку, адгэтуль зьявіліся праблемы. Занадта шмат мяккіх душою жанчын займаліся гэтым адборам, бо да ўдзелу ў праграме дапускалі амаль усіх: маўляў, «усім трэба даць магчымасць».

Чаму я патрапіла ў лік стыпэндыйтаў? Не, я не была затрыманая падчас сакавіцкіх падзеяў, зрэшты, як і значная частка тых, каго пасля пабачыла ў Польшчы. Я нават забрала дакумэнты з БДУ па ўласным жаданні з надзеяй скончыць адукацыю, прынамсі, не пры цяперашнім дэкане факультэту журналістыкі, бо менавіта зь яго прыходам пачалася агульнапрынятая ў беларускіх ВНУ практыка пазбаўленьня ад непажаданых студэнтаў (г. зн. грамадзка й палітычна актыўных, а такса-

Алёна АНДРЭВА

ма тых, хто ня хоча думаць гэтак, як вучаць ва ўнівэрсы). Дый патрапіць на праграму я й не плянавала. Пасьля рэпартажу, які рабіла акурат у сярэдзіне чэрвеня, даведалася, што вольныя месцы тут яшчэ ёсьць. Ехаць жа ў Польшчу на пэўны час я ўсё адно зьбіралася й вырашыла паспрабаваць шчасьця, бо ўсьведамляла, што без сыстэматызаванай адукацыі не пражыву. І шчасьце выпала мне. Праўда, яно вымусіла мяне зьмяніць усё маё жыццё за чатыры дні, калі я перадала справы на працы, перавозіла рэчы да бацькоў, разьвіталася зь сябрамі-знаёмымі, зьбіралася неабходныя дакумэнты і г. д. Мне давалося пакінуць усё, дзеля чаго я чатыры гады працавала да пераезду ў Менск, а пасля яшчэ чатыры гады ў Менску. Зараз я не магу сказаць, што шкадую, але ведаю, што аднавіць усё тое па вяртанні на Радзіму будзе нялёгка.

Пачатак польскага жыцця

Сказаць, што, прыехаўшы ў Польшчу, я была крыху шакаваная й здзіўленая, — гэта не сказаць нічога. Нават не таму, што колькасьць выгнанных студэнтаў была меншай за лік усіх іншых актывістаў апазыцыі, ці не зусім актывістаў, ці іх дзяцей. Першы кантакт з удзельнікамі праграмы (я асабліва ня ведала, куды еду)

быў малапрыемны, бо ў той жа дзень быў прызначаны тэст на вызначэнне ўзроўню валодання польскай мовай для далейшага разьмеркаваньня па адпаведных групах. Непрыемна ўразіла тое, што на выхадзе з інтэрнату, куды нас засялілі, адна паненка заявіла: «Які тэст?! Зараз на піва трэба — і спаць. Няўжо яны разьлічваюць, што я буду ў такім інтэнсіўным рытме вучыцца?» У той жа дзень паляцелі й пагалоскі, што ёсьць людзі, якія прыбылі сюды на тры месяцы, нібы на вакацыі, а пасля зьедуць (на жаль, некалькі такіх

знаходжаньня. Мы, якія ў Беларусі працавалі й жылі далёка не салодка, не змаглі зразумець, што ўпершыню ў гісторыі здзейсьненая такая акцыя падтрымкі й салідарнасьці зь Беларусьсю, што раней не было мэханізмаў і схемаў ажыцьцяўленьня такіх праграмаў. Таму натуральнымі былі тэхнічныя цяжкасьці, а часам і памылкі. Мы не маглі гэтага дараваць і крычалі-крычалі-крычалі. Дакрычаліся: пра нас з задавальненьнем загаварыла БТ, маўляў, бедныя беларускія дзеці выехалі па заманцы й

Па-другое — тым, што па розных прычынах супрацоўнікі Бюро праграмы ў Варшаве вельмі часта не маглі дакладна растлумачыць элемэтарныя рэчы. Хаця любы камэнтар на тэму, што хвалявала беларусаў, мог зьняць нэгатыў, які ня даў нічога добрага ані студэнтам і іх расхвальваным бацькам, ані арганізатарам. І па-трэцяе, я пачала разумець, што кожны з нас паасобку — неверагодны дэмакрат у думках, памкненьнях і дзеяньнях, а разам мы да дэмакратыі не гатовыя. Гэта пацьвердзілі шматлікія непры-

«экзэмпляраў» знайшлося). Такія чуткі зьяўляюцца й сёньня, калі ўсе даўно разьехаліся па ўсёй Польшчы. Літаральна празь дзесяць дзён ня проста высветлілася колькасьць людзей, якія патрапілі на праграму, дзякуючы набытым рэкамендацыям, а нават стала вядома, хто прадаваў патрэбныя паперы.

Першы шквал нараканьняў, абурэньняў і ўсяго нэгатыўнага абрынуўся на палякаў у першыя дзесяць дзён нашага там

апынуліся ў цяжкіх умовах. Хлопцы, маўляў, вымушаныя працаваць на будоўлях, а дзяўчаты — ледзьве не ў прастытуткі падацца.

Для сябе я гэты суцэльны крык, у якім жыла ў першы месяц, тлумачыла, па-першае, тым, што абяцаньні перад ад'ездам былі блізкімі да таго, што нам па прыбыцьці ледзьве не чырвоныя дарожкі будуць сыяліць на пэроне, а пасля ўва ўсіх тых месцах, дзе мы будзем зьяўляцца.

емныя выпадкі, непасрэднымі ўдзельнікамі якіх былі мы — ці ўсе разам, ці паасобку. Але, даруйце, я не хачу ўдакладняць акалічнасьці, мне проста сорамна...

Што ж да навучальнага курсу па польскай мове, то каманда выкладчыкаў, якія працавалі з намі, мела да нас сантымэнт яшчэ да знаёмства. Некаторыя пазней прызналіся ў сваім расчараваньні, калі сутыкнуліся зь нежаданьнем выконваць

хатнія заданні, хадзіць на заняткі, паводзіць сябе ў межах, устаноўленых, так бы мовіць, унівэрсытэцкім этыкетам. Тым ня менш веры ў нас яны ня страцілі, за што ім шчырае дзякуй. Мой першы ўрок пачаўся са словаў бязмежна добрага й шчырага чалавека, сапраўднага прафэсіянала Ігнацыя Даліньскага: «Я схіляю перад вамі галаву, бо вы, нягледзячы на свой узрост, змагаецеся за волю сваёй краіны. Я (і мая сьпіна) памятаем, як гэта цяжка, а часам балюча. Я хачу даць вам максымум дзеля таго, каб вы змаглі пачаць вучыцца ў польскіх ВНУ і ня мець праблемаў з моваю, бо для вас гэта будзе асноўным у першы пэрыяд». Не паэт, ясна ж, але пасля першых яго словаў я расчыраванелася: яны чакалі герояў, бачылі іх у кожным з нас, а ці былі мы такімі? І пасля я часта думала, праўда, запытацца так і не адважылася, ці не пашкадаваў мой любімы выкладчык пра свой першы зварот да нас? Мы, на жаль, далі нагоду задумацца пра слушнасьць ягоных словаў.

У жніўні беларускія студэнты тры тыдні правялі на калёсах — нам паказалі ўсю Польшчу: ад першай сталіцы Гнезна да Чэнстаховы, мы праехалі праз Познань, Уроцлаў, Нязьдзьведзіцу, Кракаў, Вялічку, Люблін, Беласток, Гданьск, Сопат, Гдыню, Торунь і Лодзь. Ня кожны паляк бачыў усё тое, што пабачылі мы.

Разьмеркавальны месяц

Ён, гэты разьмеркавальны верасень, прынёс найбольш славы з рознымі адценьнямі як у самой Польшчы, так і на Радзіме. Менавіта ў верасьні вызначаліся нашыя лёсы на бліжэйшыя некалькі гадоў: дзе будзем вучыцца, на які курс нас прымаюць і гэтак далей.

Ад самага пачатку праграмы кожны зь яе ўдзельнікаў чуў толькі сваё: хтосьці зьбіраўся сам выбіраць вучэльню, нібы

такое права нам давалася ўмовамі праграмы, хтосьці чуў, што па польскіх ВНУ нас будуць разьмяркоўваць у адпаведнасьці з колькасьцю месцаў і спэцыяльнасьцямі, якія прапануе вучэльня. У праграмных жа дакумэнтах гаварылася толькі пра тое, што ў нас будзе магчымасьць працягнуць навучаньне. Тым ня менш лягічным было тое, што нас разьмяркоўвалі нібы ў адпаведнасьці з нашымі жаданьнямі й спэцыяльнасьцямі, якія мы атрымлівалі ў Беларусі. І тут пачаліся, што называецца, загваздки. Бо ў сярэдзіне верасьня мы запоўнілі анкеты, дзе пасля знаёмства з найбуйнейшымі ўнівэрсытэтамі Польшчы пазначылі свае прыярытэты: дзе б мы хацелі вучыцца й па якой спэцыяльнасьці. Трэба заўважыць, што паўнаўтасны выбар мелі тыя, хто ў Беларусі скончыў ня больш за два курсы, і тыя, хто прыехаў адразу пасля школы. Тыя ж, хто вучыўся на радзіме больш за два гады, мусіў працягваць адукацыю па былой спэцыяльнасьці. Надышоў момант ісьціны: нас разьмеркавалі й вывесілі сьпісы.

Па-першае, былі выпадкі, калі людзі, не зважаючы на ўмовы, паводле якіх мусяць працягнуць навучаньне, зьмянялі кірунак і былі залічаныя на наноў абраныя спэцыяльнасьці, што ніякім чынам не давала парадку. А па-другое, не скажу, у якіх адсоткавых суадносінах арганізацарамі былі пераблытаныя спэцыяльнасьці, але часта культуролягаў разьмяркоўвалі на філялягічныя факультэты, а кінаапэратараў — на факультэты журналістыкі. У дадатак нярэдкамі былі выпадкі незадавальненьня пэўнымі гарадамі, куды нас накіроўвалі вучыцца. І тут група ініцыятыўных студэнтаў пачала зьвяртацца ў польскую прэсу, каб распавесці пра сытуацыю й дамагчыся сустрэчы з рэктарам Варшаўскага ўнівэрсытэту, пры якім існуе Студыюм Усходняй Эўропы, што нас, каліноўцаў, апекаваў. Зь яго

дапамогай мы спадзяваліся ўладзіць спрэчныя пытаньні, бо ў самім бюро штосьці вырасыць было немагчыма: кантактаў з намі катэгарычна пазьбягалі, тлумачачы да таго, што праца бюро скончаная. Паралельна з тым некаторыя студэнты пачалі разьяжджацца па прапанаваных вучэльнях, дзе іх часьцяком ніхто не чакаў і нічога пра іх ня ведаў. Тыя ж, хто застаўся ў Варшаве дзеля карэктыровак свайго далейшага лёсу, сутыкнуліся яшчэ і з праблемай побытовага характару: з інтэрната, дзе нас разьмясьцілі ў ліпені, выселілі напрыканцы верасьня, і падчас змаганьня ў офісе бюро Студыюм Усходняй Эўропы не было дзе жыць. Усё гэта таксама адразу перадавалася ў прэсу, якая сталася ці не адзіным мэханізмам уплыву на органы і асобаў, што прымалі рашэньні. Рознымі шляхамі ўсё ж дамагліся зьменаў тыя, хто іх хацеў, хто адпачатку ня быў задаволены разьмеркаваньнем. Ужо амаль астыў запал і ў студэнтаў, і ў бюро, але ўзаемнай любові й павагі гэтая сытуацыя не дадала.

Напрыканцы верасьня — у пачатку кастрычніка мы паразьехаліся хто куды. Цяпер пра Беларусь, неафіцыйнымі дыпляматамі якой кожны з нас тут зьяўляецца, і будуць меркаваць па кожным з нас паасобку ці па невялікай групе беларускіх студэнтаў у пэўных польскіх гарадах. Адказнасьць вялікая, таму вельмі хочацца, каб яе ўсьвядомілі ўсе мае калегі-паплечнікі.

Мая навука

Я стала студэнткай факультэту журналістыкі Варшаўскага ўнівэрсытэту, куды мяне разьмеркавалі ад самага пачатку. Адзіная праблема, зь якой я сутыкнулася ва ўнівэры, заключаецца ў тым, што мяне залічылі на першы курс, нягледзячы на тое, што ў Беларусі я скончыла тры курсы журфаку. Першыя 10 дзён навучальнага году я змагалася за перавод на вышэйшы

курс і разам з тым пазнавала закон славутага польскага «ютро» (заўтра). Кожны раз, калі не маглі даць пэўных адказаў на пытаньні, мне прапаноўвалі прыйсьці заўтра. У выніку — усё адно першы курс. Адчай і распач ужо прайшлі, бо я прыняла рашэньне першы год павучыцца па прапанаванай праграме, а на другі скласьці свой індывідуальны графік і за год скончваць два курсы. Гэта дазваляецца ўмовам і навучаньня. Усяго ж за пяць гадоў студэнты факультэту журналістыкі Варшаўскага ўнівэрсу вывучаюць 45 дысцыплінаў, уключна зь фізычным выхаваньнем. Таму мае пляны скончыць пяцігодку за тры гады ўяўляюцца абсалютна рэальнымі. Хаця, зразумела, дзевядзецца шмат папрацаваць.

(Працяг будзе)

Новая Беларусь: опыт социальной стратификации

Анатомия — это судьба.

Зигмунд Фрейд

За последние 10 лет абсолютное число умерших в Беларуси составило около 1,5 млн. человек. К марту 2006 года, к очередным выборам президента, эта цифра увеличилась еще примерно на 200 тысяч человек. Понятно, что среди этих 1,7 млн. основную массу составляют люди пожилые, старики. С точки зрения политической — электорат, который избирал (не избирал), соглашался (не соглашался) с продлением полномочий А. Лукашенко. То есть в электоральной массе произошел такой демографический сдвиг,

Константин СКУРАТОВИЧ

С 1994 года численность населения Беларуси уменьшилась на 518 тыс. (с 10,367 до 9,849 млн.), следовательно, его естественная убыль и миграционный отток примерно на 1 млн. были компенсированы за счет родившихся детей и внешних мигрантов.

На сегодня численность населения моложе трудоспособного возраста составляет 1,8 млн. человек (1,3 млн. — горожан, 500 тыс. — сельчан). Разумеется, подавляющее большинство из них не учас-

твуют в выборах, но детские проблемы — это всегда родительские проблемы. А они ныне таковы, что не сводятся к необходимости «накормить-одеть». Нужна перспектива, а ее нынешняя власть как раз не гарантирует. Для нее гораздо больший интерес представляет игра в благополучную статистику занятости. Интерес поверхностный, сиюминутный, пропагандистский и, можно сказать, трусливый.

Ведь высшее и среднее специальное образование (отнюдь не гарантирующее трудо-

устройства) наполовину коммерциализировано, а профессионально-техническое, находясь в стадии реформирования и переходя на целевую подготовку специалистов, тоже пока не дает стопроцентной гарантии занятости. Экономике же, в том виде, в котором она существует и развивается, ученики на производстве не нужны. Поэтому даже у пожилых людей шансов сохранить рабочее место после выхода на пенсию больше, чем у выпускника школы или ПТУ.

Но главное, что должно беспокоить родителей, — никакой серьезной молодежной политики в стране нет и не предвидится. Нельзя же считать таковой сомнительные затеи БРСМ (Белорусского республиканского союза молодежи, «назначенного» преемником комсомола и приближенного к А. Лукашенко), объединившего в основном обеспокоенную карьерными соображениями молодежь. Понятно ведь, что перспективных должностей даже для них не хватит. Воленс-ноленс власти придется за это отчитываться перед обществом.

Пионеры и пенсионеры

Разумеется, родители приспособливаются, обучают детишек, используя связи, давая взятки, оказывая услуги. Но подавляющему большинству это недоступно, и лишь немногие могут довести дело до конца, создав своему чаду основательный и надежный фундамент для гарантированного успеха.

Нынешние родители принципиально отличаются по своему социальному опыту от тех, кто участвовал в первых президентских выборах и голосовал за отказ от «стихии

рынка» в пользу сохранения гарантий реального социализма.

Самые молодые из них родились в пору перестройки, становление тех, кто постарше, пришлось на перестроечные времена и начало рыночных преобразований. Разумеется, эта социальная группа аморфна по своим политическим взглядам, но именно она в большинстве скептически относится к лукашенковскому патернализму.

Так вот, в Беларуси около двух миллионов «детных» семей, из которых 240 тысяч — семьи неполные. Таким образом, в полных семьях проживают 3,5 млн. родителей, еще 240 тыс. — матери-одиночки (испытывающие все прелести заботы государства о детях). Можно предположить, что значительная часть «вне семейных» отцов тоже болеет за будущее своих отпрысков.

Иными словами, в Беларуси существует многомиллионная армия избирателей, серьезно обеспокоенных перспективой развития страны, оцениваемой сквозь призму самых насущных интересов своих детей. Значит, и своих собственных интересов.

Что касается пенсионеров, то на самом деле доля населения старше нетрудоспособного возраста увеличилась незначительно (с 20,5% по состоянию на 1.01.94 до 21% на 1.01.2004), а в абсолютном исчислении даже снизилась (с 2.105,8 до 2.081,8 тыс. человек).

Но, в отличие от пенсионера-94, образцового «совка», для которого любая отличная от реального социализма система и жизнь отдельно от России была чистойшей химерой, выдумкой националистов, пенсионер нынешний идейно-нравственную девствен-

*Есть основания полагать, что пенсионеры-2006 на выборах голосовали не совсем так, как доложил президенту Центризбирком.

ность утратил*. Он пожил на «переходном этапе», при этом «младший пенсионный возраст» в течение ряда лет трудился в новых условиях, определенная часть этих людей даже организовала собственное дело. Не всегда, что называется, от хорошей жизни и по велению души, но главное — это был вполне адекватный ответ на вызов времени. Буржуазия как класс не сформировалась, но «сословие предпринимателей» (вместе с членами семей — около 300 тысяч человек) является наиболее активным в деле защиты своих интересов.

Ударники каптруда

В этом смысле интерес представляет структура занятости населения, которая за последние годы изменилась самым существенным образом.

Во-первых, в течение 90-х годов официальная численность занятых в экономике сократилась на 700 тысяч человек (с 5,1 до 4,4 млн.). Среди «потерянных» не только вышедшие на пенсию, не только зарегистрированные безработные, но в большинстве своем люди, либо утратившие официальную занятость, либо отказавшиеся от нее, избравшие для себя полную экономическую независимость от государства (это не имеющие лицензий ремесленники, строители, лица, легально или нелегально работающие в России и других странах). В эту же группу входит многочисленный отряд социальных маргиналов, «портящих» криминальную статистику. Среди «потерянных» очень много молодых людей, которые никогда или практически никогда не имели регулярной занятости. Стали по существу безработными сразу же после окончания школы. Есть уже и такие (хотя пока их не много), кто просто отказывается посещать школу, — до них не доходят ни руки родителей, ни школьной администрации, ни комиссий по делам несовершеннолетних. Они, что называется, забили болт на не-

сулящую перспектив «науку» и ведут свою тихую жизнь, не всегда «вегетарианскими» способами. Подтверждением тому может служить статистика, которая указывает на многочисленность этой категории среди официальных безработных. Но, полагаем, и данные госслужбы обнажают только верхушку айсберга: на самом деле ситуация еще хуже.

Лидеры мнений

Занятость в промышленности снизилась на 800 тысяч человек (почти на 1/3), в сельском хозяйстве — почти вдвое (с 1 млн. до 580 тыс. человек).

Вырос уровень занятости в торговле, общественном питании, на транспорте, в сферах сервиса. Официальное признание получили такие нетрадиционные виды деятельности, как операции с недвижимостью.

Прежде все было колхозным или государственным. Ныне упразднен сам термин «колхозное», и на селе практически все считается акционерно-частным или фермерским. У нас порой настоящее отличается от прошлого чисто номинально, но сельское хозяйство, что касается занятости, выглядит самой «капитализированной» отраслью, уступая только торговле: более 70% работников сельского хозяйства трудятся на предприятиях негосударственной формы собственности (в торговле — более 80%). А самой социалистической сферой (наделенной монопольным правом, которое она стремится капитализировать) является жилищно-коммунальное хозяйство, где практически нет негосударственных предприятий.

Физкультура, спорт, наука и научное обслуживание, здравоохранение, образование, культура и искусство — все, в основном, находится в руках государства. Поэтому «искусства для искусства» не должно быть по определению, а творчество не может быть свободным. По крайней мере — профессиональным, понимаемым

как занятие, дающее заработок независимо от государства. Разумеется, могут быть исключения, но нас интересует правило.

Литераторы, например, могут писать в стол или изыскивать возможности вне государственных структур. Но, как показал раскол в писательской среде, появление альтернативно-лояльного союза во главе с Чергинцом, многие предпочитают для того, чтобы заработать на хлеб, испытанный способ обращения «перьев в штыки». Массовая культура, тиражируемая телевидением, откровенно кормящаяся от структур власти, в чем публику твердо убедила кампания «Голосуй ЗА!», не скрывает, что следует из заявлений ее «лучших представителей», самого факта полного перехода на госодержание, похоже, без малейших колебаний.

В городских поселениях трудятся 77% от общего числа работников, в сельских — 23%. Структура занятости в городах чрезвычайно сложная, в организационном отношении достаточно аморфная. В деревне, вроде бы, все на виду, все жестко встроены в иерархическую систему «начальник — подчиненный», но недаром говорят: природа любит скрываться. Поэтому очень часто роль фактического лидера мнений исполняют не те, кому это официально предписано.

В деревнях 54% трудоспособного населения занято в сельском хозяйстве. Вторая по удельному весу группа — работники образования (около 12%), третья — работники здравоохранения и соцобеспечения (около 5%). Представители этих профессий могут быть названы лидерами «сельских мнений», они имеют возможность влиять и на молодых, и на старых. Но именно из этой среды формируется костяк избирательных комиссий, обеспечивающих, надо полагать, нужные результаты выборов.

Тут следует сделать оговорку, которая понадобится нам немного ниже: данные многочисленных опросов, согласно которым значительная часть городских и сельских избирателей сомневается в объективности выборов и даже уверена в заданности их результатов, давно стали феноменом массового сознания. Однако это обстоятельство слабо учитывается в политической деятельности оппозиционных партий. В частности, ультраконсерватизм — лояльность к существующей власти — со стороны сельской интеллигенции можно объяснить полным отсутствием для нее всякой положительной альтернативы: если даже я выступлю против, то все равно никто меня не поддержит.

Займитесь делом

Как ни странно, оппозиционные политики до сих пор абсолютно не учитывают то обстоятельство, что в сельской местности избиратель-

ная активность нижайшая, агитация и пропаганда со стороны власти — минимальные, люди не ходят на участки — бюллетени им приносят, если сочтут нужным.

Собственно, от политиков требуется только одно — чтобы они наконец занялись политикой. В частности, необходимо «накрыть» сельские участки, где на самом деле не исключена возможность псевдовыборов. В противном случае вновь придется сетовать на «несознательность» деревенских пенсионеров, поддерживающих существующую власть вопреки собственным неосознанным интересам**.

Миф о поголовной поддержке президента пенсионерами, особенно сельскими, оказался очень живучим. Но, как показывает практика, за последние годы на видные роли в государстве вышло поколение молодых прагматиков, готовых отстаивать интересы любой власти и, по обстоятельствам, поддерживающих существующую. Их установки

определяются тем, что можно назвать (по фон Тирпицу) позицией разумного риска: если власть откажется дать им столько, сколько необходимо, то положение самой власти станет уязвимым.

Ввиду ускоренных темпов урбанизации, до недавнего времени большинство белорусских горожан были таковыми в первом поколении. Поэтому их и называли «сеном на асфальте». Собственно, жили они на два дома: на выходные уезжали в деревню, помогали родителям по хозяйству, получая от этого дополнительный доход, позволявший даже приобретать кооперативные квартиры, мебель и другие

** Автор на свой страх и риск провел 19 марта, в последний день президентских выборов-2006, экзит-полл в своей родной деревне по вполне репрезентативной выборке и убедился, что его земляки голосовали совсем не так, как (если верить официальным данным Центризбиркома) оставшая сельская и — что очень важно —

«предметы роскоши». Ныне ситуация иная: деревня перестала к себе притягивать, потому что оскудела, а воспроизводство городского населения с середины 70-х гг. в возрастающей степени осуществляется в самих городах. И теперь это уже не столько сено на асфальте, сколько трава, пробивающая асфальт.

Если понимать анатомию общества как структуру функционально связанных между собой органов (социальных групп), то следует признать: «анатомически» Беларусь принципиально изменилась. Следовательно, изменилась и ее судьба. Сиюминутные реалии пока еще не воспринимаются как атавизмы, но все больше мешают нормальному развитию организма. Все это надо учитывать социальным писателям, но в еще большей мере — политикам, если не играть в политику, а заниматься ею.

Рассуждения на тему...

Нет памяти о прежнем; но и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Вспоминаю анекдот 70-х. Встречаются американец и наш советский коммунист. Рассуждают о демократии. Американец говорит: «У нас в США полная демократия! Я могу выйти к Белому Дому и во весь голос кричать, что наш президент — дурак. И мне за это ничего не будет. Наоборот, соберутся люди, и многие будут меня поддерживать! А у вас?» Наш задумался и отвечает: «Представь себе, у нас то же самое. И я могу выйти на Красную площадь и орать, что ваш президент дурак. И, представь себе, мне за это тоже совершенно ничего не будет». Ясное дело,

Здесь должен обратить ваше внимание на одну небольшую подробность. Слушая этот анекдот, многие, по вполне очевидным причинам, ехидно, если не сказать — злорадно, даже злопыхательски, посмеивались и понимающе кивали головами. Мол, то-то и оно. Тут вам не там...

Однако по зрелому размышлению, по крайней мере, сегодня, я должен внести в этот принципиальный спор представителей двух противоположных мировых систем некоторую ясность.

Умный, проницательный читатель понимает, конечно, что речь шла о совершенной не-

возможности нашему человеку выйти не только на Красную, но вообще на любую площадь любого, даже самого захудалого, райцентра нашей необъятной Родины и вопить о том, что наш генеральный секретарь — дурак. Мягко говоря, это было не принято и неприлично до такой степени, что правдолюбца обычно упекали. Куда? Разумеется, туда. Куда же еще. Хотя, справедливости ради, следует указать на то, что статьи в уголовном и административном кодексах РСФСР, как и всех прочих союзных республик, которая карала бы за оскорбление и тем более, не перед сном сказано,

Александр ЕГОРОВ

за клевету на генсека, — не было. Не было — и все. Совершенно справедливо считали, что кто так обзывается, тот сам так и называется. И это не требовало никаких доказательств.

И все же оставалась в этой истории какая-то недосказанность. Чувство некой полуправды, что ли. И от этого внутри было неуютно и даже как-то противно. И вот после долгой, я бы сказал, просто-таки мучительной работы ума нашелся достойный, убедительный и в то же время простой ответ зарвавшимся заокеанским злопыхателям.

Вопрос: кого в советские времена можно было открыто критиковать снизу, даже в глаза, и не бояться за это потерпеть? Ответ: любого своего начальника. Где? На партийном или профсоюзном собра-

нии. То есть можно было критиковать того, от кого зависели результаты работы коллектива. Иногда от этого что-то менялось, но чаще все оставалось по-прежнему. Однако люди чувствовали, что они таки врезали, вмазали, вкатили этому борову, прилипале, демагогу, приспособленцу и просто сволочи по самое, что называется, не могу. И уходили домой умиротворенные. Интересно, что эту критику снизу одобряли и поощряли руководящие партийные инстанции. Она приветствовалась, ибо выражала собой наше, так сказать, подлинное народовластие. То есть — плоть от плоти.

Иногда поступала инициированная сверху команда: «Огонь по штабам!» И народ старался, давал огоньку, с чувством глубокого удовлетворения сводил счета, ибо его

инстинктивное неприятие любого насилия над подчиненной личностью совпадало с вполне осознанным выбором отдавших ему команду «пли!». Приятный холодок мщения садистски разливался в коммунистическом сознании масс.

А что же у нашего американца? Да ничего подобного! Пусть он разрывается от крика в адрес своего президента и идет домой с чувством исполненного долга. Для него на работе, где он зарабатывает свои кровные, ничего не изменится. Пусть он попробует покритиковать своего начальника, директора, шефа. За него никто не даст и ломаного цента. Президент его не защитит и директора не снимет. Тут, как говорится, «вассал моего вассала не мой вассал».

И в этом, при всех издержках одной и другой системы,

состояло главное отличие. Я не могу ругать генсека, но могу открыто критиковать своего начальника. Ты можешь критиковать президента, но затыкаешься при упоминании о своем директоре.

Что тут общего? Выброс эмоций. В чем разница? В уровне, на котором расположен объект критики, в его досягаемости.

Что лучше? Не знаю. Пусть спорят знатоки. Но могу с полным основанием, в трезвой памяти и здравом рассудке утверждать, что в нашей родной стране вышеупомянутые отвратительные различия преодолены. Не надо больше до хрипа, до судорог в горле спорить на тему, кто не прав. Свой начальник или... Вы понимаете? Как говорилось в одном предвыборном рекламном ролике устами сурового российского труженика, «и ты знаешь этого человека». Помните?

Так вот, у нас стерты эти различия. У нас устранен сам предмет, объект, так сказать, ставшей совершенно ненужной дискуссии. А если нет объекта, то сам собой исчезает и субъект. В нем просто отпадает историческая необходимость. Ну, согласитесь же, господа, о чем можно серьезно рассуждать, говорить вслух в условиях перманентно совершенствующейся контрактной системы найма? Покритиковал, отвел душу — и пошел с протянутой рукой в поисках пособия на жизнь?

И вот это наше достижение, в отличие от успешности нашей же социально-экономической модели, как-то не доносится до широкой международной общественности, выпадает из контекста остальных свершений. Держится каким-то отдельным, сирым, скромным особняком на общем фоне успехов. Выпало из обоймы.

То есть, подводя некоторый итог, скажем: открытая критика снизу у нас не в фаворе. Сверху вниз — сколько угодно. Но, чтобы соблюсти ба-

ланс интересов, поощряется информирование соответствующих органов, в том числе и анонимно, любым гражданином с любого нижестоящего уровня. Однако, хотя таким образом нам и дается понять, что люди у нас равны, тем не менее каждая нижестоящая ступенька человеческой лестницы ощущает, что вышестоящая все-таки и наперекор всему — равнее.

Происходят просто радостные явления в нашей жизни. Достаточно иному начальнику высказать свое пожелание, пусть даже совсем дикое, и для пущей убедительности сослаться на своего вышестоящего начальника, как это пожелание становится законом для начальников нижестоящих и, соответственно, для их подчиненных.

Вы никогда не задумывались о том, что ничто не действует на личность так разлагающе, как абсурдность, нелепость, бесполезность выполняемой по приказу работы и невозможность от нее отказаться? Когда это моральное изуверство превращается в обязанность, личность ломается, раздваивается и в конце концов смиряется, покрывшись панцирем пофигизма, из-под которого в любой момент готов вырваться джинн садизма. Почему? Да потому, господа, что тот, кто привык унижаться и для кого это стало нормой жизни, способен унижать себе подобных. Причем с особым творческим порывом и душевным подъемом. В результате формируется класс управленцев, сплошь состоящий из униженных. Критерием отбора в руководящие (пусть и неосознанно) становится именно способность к личному унижению кандидата. И самое печальное состоит в том, что этот навык постоянно культивируется, поощряется и воспроизводится. Неспособные выбраковываются естественным путем, ибо, вынужденные соглашаться с правилами игры, в итоге приобретают кучу различных болезней и

частенько кончают инфарктом или другими хорошо известными в народе болезнями. С несогласными разговор короткий и вполне законный — разрыв контракта, с тем же большим финалом...

Так формируется система, в которой всякая инициатива снизу наказуема и ненавистна, поскольку требует проявления чувства собственного достоинства. В этом и ответ на вопрос, почему у нас так не любят предпринимателей, равно как и всякую демонстрацию проявлений независимости, особенно в суждениях. Любая инициатива в обществе должна быть санкционирована. И при всех вольных рассуждениях и призывах на эту тему типа: «Мы ждем! Давайте!» — ничего, кроме ухмылки снизу, не иницируется. Потому что инициатор и санкционирующий у нас... Ну, как у персонажа Аркадия Райкина, который, постоянно оглядываясь на висящий за его спиной портрет генералиссимуса, говорил с восхищенным придыханием: «Вождь у нас Один! Он же Корифей и Учитель!»

Итогом всей этой фантазмагии становится появление дрессированного хомо — исполнительного индивида, способного выполнить любые, самые дурацкие и дикие приказы и распоряжения. И все это с потрясающей готовностью признать свои ошибки и отречься от прежних идеалов, ибо (вы помните?) такой человек всегда колебался вместе с линией. То есть был в коллективе добросовестно заблуждавшихся. Такие вчера истово преподавали «Краткий курс...», потом боролись за материально-техническую базу коммунизма, позже усердно изучали «Малую землю», «Целину» и другие гениальные произведения, затем с гневом отбросили застой и перестроились в демократические шеренги, ударились в религию... И все это, заметьте, все вместе, сообща. Как точно и горько сказал об этом Юрий Власов: «Коллективное про-

зрение». Смысл этого лицедейства в том, что в условиях такого безынициативного цинизма понятие морали растворяется.

Небольшой пример. Есть у автора знакомые педагоги, учителя. Вполне достойные, интеллигентные люди. Что значит интеллигентные? На мой взгляд, это те, кто от природы наделен чувством сопереживания, сострадания по отношению к другому человеку. С этой точки зрения ты можешь быть интеллектуалом, но не быть интеллигентом, и наоборот. Когда эти качества совпадают, на свет являются духовные личности с комплексом собственной вины... Но я отвлекся. Так вот, учителя рассказали мне, как в разных школах, в которых они работают, их заставляют выписывать газеты. Если ты поступаешь на службу и отказываешься от подписки на ведомственное издание, контракт с тобой, скорее всего, не заключат. Если ты не горишь желанием вступить в профсоюз — результат практически тот же. Если ты уже работаешь и не хочешь делать одного или второго, ты белая ворона, ты отрываешься от коллектива, значит, ты по-другому мыслишь, ты опасен. Скорее всего, с тобой придется расстаться. Именно так и произошло с моими знакомыми. Не скрывая иронии, они говорят о том, что не хотят содержать за свои деньги штат редакции газеты, которую им насильно навязывают и в которой, по их мнению, нечего читать. Само же насилие порождает в них ответную реакцию отторжения. Они не хотят вступать в принудительном порядке в профсоюз, не способный защитить их от произвола контрактной системы и от дурака начальника, который все равно будет прав. Они за свободу выбора. Своего выбора, а не чужого. Вот в чем их беда. Остальные же ведут себя... Кто-то принял правила игры и нашел в них свою прелесть, кто-то смирился и просто от-

бывает свою педагогическую повинность, с нежеланием идя на работу...

А я думаю о том, что в условиях такой быстро формирующейся агрессивно-послушной среды можно творить все, что угодно. Давайте доведем дело до известного абсурда. Поступит, скажем, приказ: всем конспектировать «Майн Кампф» и сдавать по нему зачеты. Знание «Майн Кампф» — обязательное условие успешной работы в педагогическом коллективе и трудоустройства выпускников после окончания учебного заведения. Боюсь, что у нас долго искать энтузиастов не придется. Вот в чем боль.

Так в чем же причины того, о чем я говорю, и наше ли только это явление? Увы, господа мои, увы. «Нет памяти о прежнем...» — как сказал Екклезиаст, и эта мудрость ничему и никого как не научила, так, похоже, и не научит. А ведь явление давно изучено и описано, вот в чем штука. Позволю себе процитировать. Слушайте, господа. «Энергия труда подавлена в нас вместе со всякой другой энергией. Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергию в защите своей личности от притеснений? Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергическим на ниве и безответным в приказной избе, тем, чтобы почесывать себе затылок и переминаясь с ноги на ногу. Он будет таким же вахлаком за сохою... Энергия в русском человеке подавлена обстоятельствами... Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайную неутомимость и живость к работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений

и опек, которыми вообще он бывает подавлен».

Так в чем же все-таки дело? Слушайте дальше, господа.

«Кто говорит «бедность народа», тот говорит: «дурное управление». Это единственный источник народной бедности. Но что такое дурное управление? Зависит ли оно от лиц? Нет, каждый видел на опыте, что при самых благонамеренных начальниках порядок дел оставался точно таким, каков он был при самых дурных... Должности продавались с формального торга. Суда и управления не было; грабительство было повсеместное: оно властвовало в канцелярии губернатора, во всем ведомствам и инстанциям... Послушайте самых дурных чиновников: редкий из них доволен своим служебным по-

ведением. Напротив, почти все скажут вам, что хотели бы действовать иначе, отправлять свои обязанности честно, а если не делают этого, то лишь потому, что это невозможно... Вопрос в том, почему дела у нас вообще ведутся незаконно, с получением или без получения взяток, все равно.

Истинные причины незаконности — безответственность и беззащитность чиновников. Чиновник наш подлежит одному только контролю — контролю начальства; ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут ничего сделать с ним, если только начальство доволно им; зато ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут спасти его, если начальство им недовольно. Он безответствен перед всем и

всеми на свете, кроме начальства; зато перед начальством беззащитен... Вот истинный источник беззаконного ведения дел... Надобно сделать, чтобы все делалось открыто перед глазами общества и общество могло бы высказывать свое мнение о каждом официальном действии должностного лица...

Мы не знаем, возможно ли при нынешнем устройстве наших общественных отношений осуществление условия, которое предлагается нами для прекращения беззаконности; быть может, подобная реформа предполагает уничтожение отношений слишком сильных, не поддающихся реформам, а исчезающих только вследствие важных исторических событий, выходящих из обыкновенного порядка, которыми производятся реформы...»

Автор этих строк — Николай Гаврилович Чернышевский. Полтора столетия тому назад сказано, а словно про нас. И ведь все имеем: и потенциал, и желание, и стремление. Одного нет: пробудившегося усердия к делу. Об этом, собственно, и были эти рассуждения. И еще об Екклезиасте, проповеднике.

Профессиональное общение журналиста

Начинающему журналисту все кажется простым: задавай вопросы, выслушивай ответы, фиксируй услышанное. Однако, вернувшись в редакцию, он с изумлением обнаруживает, что... писать не о чем. Личные впечатления от встречи куда-то улетучились, а в блокноте (на ленте диктофона) остались дежурные фразы, сухая цифирь, малозначительные детали. И что со

Эдуард МЕЛЬНИКОВ

Нас никто не ждет

Для журналиста эффективно такое общение, в ходе которого он получает от своего собеседника важную (может быть, эксклюзивную) информацию. Однако на пути к такому результату встает множество преград как объективного (противоречие интересов), так и субъективного характера (ошибки общения с обеих сторон).

Все дело в том, что никто не склонен сразу, сходу выдавать вам информацию. Если общение с самого начала пошло слишком легко, нелишне насторожиться: «А не используют ли меня и мою газету в каких-либо целях?» Вспомним максимум мировой журналистики: «Информация — это то, что от вас скрывают. Все остальное — реклама».

Наиболее распространенная ошибка начинающих журналистов — жесткая ориентация на конечный результат. Часто такой репортер пребывает в святой уверенности, что ему просто обязаны что-нибудь рассказать. «Я из газеты «Жизнь ежей». Скажите...» А в ответ: «Ну и что? У меня сейчас нет времени. И вообще, ежи меня не интересуют».

Делая первый звонок, журналист должен продумать варианты своего поведения на случай категорического отказа от интервью. Заранее нужно

подобрать «крючки», которые зацепят за живое: заинтересуют, заинтригуют, может быть, даже возмутят человека. Но в этих случаях он ни за что не откажется от встречи с вами!

Но даже если вас сразу приняли и внимательно выслушали, необходимо потратить время и не пожалеть усилий на установление неформального контакта с собеседником. Только тогда он поведает вам нечто действительно интересное, чего никому до этого не рассказывал.

В достижении такого контакта и заключается основная трудность.

Устраивайтесь поудобнее: это важно

Продумайте место и время встречи. Как правило, доверительный и содержательный разговор не может состояться там, где шумно, где много посторонних людей, где вас отвлекают звонками и т. д. С другой стороны, атмосфера официального кабинета слишком чопорна и холодна для установления неформального контакта. Лучше вытащить чиновника из привычной обстановки (она психологически защищает его), но и в редакционном кабинете принимать собеседника не стоит. Пригласите его, к примеру, в малолюдное кафе,

где тихо играет музыка и вам никто не помешает.

В любой ситуации лучше не садиться друг напротив друга: эта «мизансцена» создает нежелательную атмосферу конфронтации.

Постарайтесь не беседовать стоя: человек в таком состоянии чувствует себя неуверенно, спешит и стремится избавиться от назойливого «приставаки».

Замечено также, что в холодные и сухие дни человек активнее общается, тогда как слишком жаркая или влажная погода заметно притупляет остроту мышления. Люди, как правило, собраны, сообразительны и расчетливы в 8 часов утра. Память лучше всего работает между 8 и 12 часами утра и после 9 часов вечера, хуже всего — сразу после обеда. Пожилые люди лучше всего соображают утром, молодые — вечером.

Вечером, около 19 часов, эмоциональное состояние людей становится довольно неустойчивым, что может проявиться в излишней раздражительности и вспыльчивости.

Есть и еще одно правило, выведенное бывальными людьми: никогда не подходите к человеку, когда он ест или работает.

Правильная ориентация

Наконец, время встречи пришло. Где она происходит, что вас окружает, выгодна ситуация для вас или наоборот — на все нужно обращать внимание.

Например, опытный чиновник старается не подпустить собеседника близко к себе: остается в кресле, а журналиста останавливает у краешка своего длинного стола. Он знает, что делает: физическая отдаленность станет и психологическим «пространством» в вашей беседе. Не уступайте, навяжите свою дистанцию общения. Под любым предложением: «Разрешите, я включу диктофон». Или просто подойдите и подвиньте стул поближе. Не прогонит! И не позволяйте ему стоять над вами или ходить: стоящий человек имеет психологическое преимущество перед сидящим. Специалисты говорят, что сидящий человек обычно откровеннее стоящего, да и головой работает лучше.

Важно быть внимательным наблюдателем, правильно истолковывать те или иные сигналы невербального (несловесного) общения. Психологи утверждают, что невербальные знаки несут в себе не менее 60–70% всей информации о человеке.

Об этом написана масса книг, их стоит почитать желающему приобрести навыки эффективного общения. Мы же перечислим наиболее характерные внешние признаки и особенности поведения человека, которые явно свидетельствуют о чертах его характера и душевных состояниях.

«Вас изучая, как портрет...»

Мимика

Об искренности можно судить по симметричности отображения чувств на лице. Чем сильнее фальшь, тем более различаются его правая и левая половины. У правшей левая половина лица более «достоверна», у левшей — наоборот.

Особой выразительностью отличаются губы человека. Закусывание губ может свидетельствовать о беспокойстве, рот, скривленный в одну сторону, — о скептическом или

пренебрежительном отношении к ситуации.

Улыбка женщины значительно правдивее и чаще соответствует ее фактическому настроению. Кривая ухмылка собеседника свидетельствует о нервозности: он думает о чем-то другом, что его сильно беспокоит. Улыбка при поднятых бровях свидетельствует о готовности, а при опущенных — о превосходстве. Улыбка без подъема век говорит о неискренности, а при расширенных глазах без моргания — об угрозе.

Взгляд и глаза

Глаза, конечно, — «зеркало души», но... Наиболее «информативны» неконтролируемые движения зрачков при восприятии новой для собеседника информации. Если к тому же при упоминании какого-то факта вы уловили непроизвольное движение лицевых мышц, это достоверный сигнал: человек как-то связан с тем, о чем вы говорите, и афишировать это ему совсем не хочется. Впрочем, вдруг замерший, остановившийся взгляд — тоже неконтролируемая, но мотивированная реакция на неожиданное сообщение.

Расширение зрачков обычно свидетельствует об удовлетворении полученной информацией, а также об интересе к собеседнику (в том числе и сексуальном). Постоянное «сползание» взгляда ниже, с вашего лица в область груди — это явный признак интереса к вам как к человеку, личности. Такой взгляд характерен не только для мужчин, но и для женщин.

Сужение зрачков, как правило, не предвещает ничего хорошего. Это верный знак раздражения, злобы, ненависти, категорического неприятия чего-либо. Усиленное моргание может быть признаком возбуждения или того, что в этот момент вам излагают заведомо ложные сведения.

В ходе общения чаще смотрят партнеру в глаза, когда слушают, а не когда говорят.

Если же в момент произнесения монолога вам, не отрываясь, смотрят прямо в глаза, значит, то, что вам сообщает собеседник, очень важно для него или он явно хочет внушить вам свое представление о предмете обсуждения. Тот, кто избегает смотреть вам в глаза хотя бы в течение трети всего времени общения, скорее всего, либо нечестен с вами, либо хочет что-то скрыть. Тот, кто обманывает вас и стыдится этого, обычно отводит взгляд и опускает его вниз. Если собеседник посматривает на вас сбоку, искоса — скорее всего, он не доверяет вам, а тот, кто периодически то отводит взгляд, то снова смотрит вам в глаза, — не согласен с вами, сомневается в вашей искренности.

Поза и ее детали

Люди обычно лучше контролируют свое лицо, чем тело, поэтому поза способна больше рассказать об истинном психологическом состоянии вашего собеседника.

Часто повторяемая поза сообщает об устойчивых чертах характера, особенностях личности.

Вот наиболее типичные, можно сказать, стандартные «знаки», зашифрованные в позах человека.

* Руки заложены за спину, голова высоко поднята, подбородок выставлен вперед, иногда человек даже приподнимается на носках — чувство уверенности в себе, превосходства над другими.

* Стоя опирается руками о крышку стола или спинку стула — ощущение неполноты контакта с собеседником.

* Закладывает большие пальцы рук за пояс или в прорези карманов — знак агрессивности и демонстрация уверенности в себе.

* Скрещенные конечности — скептическая защитная установка.

* Свободно расположенные ноги и расстегнутый пиджак — установка доверия.

* Наклон головы в сторону — пробуждение интереса.

* Наклон головы вниз — отрицательное отношение.

* Легкое откидывание головы назад — признак агрессивности.

* Сидение на кончике стула свидетельствует о готовности вскочить в любой момент, дать выход скопившемуся возбуждению, более активно воздействовать на собеседника.

* Закидывание ноги на ногу со скрещиванием рук на груди — знак «отключения» от разговора.

* Скрещенные лодыжки у сидящего человека — сдерживание неодобрительного отношения, страх или взволнованность, попытка самоконтроля, негативное защитное состояние.

* Положение (сидя или стоя) с ногами, ориентированными на выход, — явное желание прекратить разговор и уйти.

* Частая перемена позы, ерзанье на стуле, суетливость — внутреннее беспокойство, напряженность.

* Вставание — сигнал о том, что беседа надоела, что-то удивило или шокировало.

* Сцепленные пальцы рук — разочарование и желание скрыть отрицательное отношение (чем выше расположены при этом руки, тем сильнее негативное отношение к происходящему).

* Кисти рук соединены кончиками пальцев, но ладони не соприкасаются — знак превосходства и уверенности в себе и своих словах.

* Руки опираются локтями о стол, а их кисти расположены перед ртом — скрывание своих истинных намерений, игра с партнером в кошки-мышки.

* Поддерживание головы ладонью — скука.

* Пальцы, сжатые в кулак, расположены под щекой, но не служат для опоры головы — признак заинтересованности.

* Обхватывание своего бокала двумя руками — замаскированная нервозность.

* Выпускание дыма от сигареты вверх — положительный настрой, уверенность в себе.

Жесты и телодвижения

Активная жестикуляция часто сопровождает выражение положительных эмоций, дружелюбия и заинтересованности, а чрезмерная — является проявлением беспокойства или неуверенности.

Если человек держит на виду открытые ладони — это признак откровенности. А вот сжатые кулаки говорят о внутреннем возбуждении, агрессивности. Прикрывание рта рукой, почесывание носа, потирание пальцами век — это признаки произносимой лжи. Почесывание лба, щек, затылка, уха свидетельствует об озабоченности, смущении и неуверенности вашего партнера. Нервозность и смущение также проявляются в суетливых движениях рук (теребит что-то, трогает часы, пуговицу). Пощипывание ладони предвещает скорую вспышку агрессии. Собираение «ворсинок» с одежды — знак неодобрения или безразличия. Оттягивание воротничка рубашки: собеседник подозревает, что его раскусили, раздражен. Слишком частое

сбивание пепла с сигареты — тягостное внутреннее состояние, нервозность, напряжение.

Весьма информативны для наблюдательного человека также непроизвольные реакции (покраснение лица, усиленное биение пульса, короткое дыхание через нос и пр.).

Перечисленные и многие другие признаки психологического состояния человека, взятые в совокупности, составляют общий эмоциональный фон вашего общения. Такой фон, как правило, улавливается интуитивно и почти безошибочно. Нужно быть очень занятым собой, эгоцентричным человеком, чтобы не заметить, в каком состоянии находится ваш собеседник.

У Владислава Ходасевича есть книга язвительных и трагических стихов «Европейская ночь». У Георгия Иванова — «Портрет без сходства» и «инвективные» стихи 40–50-х гг. Можно вспомнить еще так называемых «проклятых поэтов» — Рембо, Верлена, Бодлера, от которых «отталкивается» название моего цикла. Но все же включенные в него стихи — не подражание, не желание быть похожим. Они —

Анатолий САНОТЕНКО

Проклятые стихи

***

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

А. С. Пушкин

На низких истин пьедестал
Возвел я жизнь свою,
Но мир осмысленней не стал,
Не пребываю я в раю.

А так, сию, соображаю:
Попить ли, что ли, снова чаю,
Чтобы в душе разбавить яд,
Которым травит знаний ад.

9 марта 2001

ЗАПОВЕДЬ

Вся власть воображенью!
Вся власть воображенью!
Вся власть воображенью —
Вот заповедь моя.
И это избавленье,
Чудесное спасенье,
Чудесное спасенье —
Лекарство бытия.

Вся власть воображенью!
Вся власть воображенью!
Вся власть воображенью
И только лишь ему!
В нем суть преображенья,
Доступное — мгновенно.
Вся власть воображенью
И больше — никому!

2005

***

Давно привык я к катастрофам,
Врывающимся в жизнь мою.
Живу спокойно, дую кофе
И не перечу бытию.

Что толку мне ему перечить,
Когда исход всегда один:
Тоска, тягучая, как вечность,
Иль английский, заморский сплин.

Одно лишь только раздраженье,
Когда весь белый свет не мил,
И несколько простых движений
Даются напряженьем сил...

Давно привык я к катастрофам,
Врывающимся в жизнь мою.
Неспешно сочиняю строфы
И не противлюсь бытию.

Как будто жизнь приговорила
К расстрелу вечному меня
И так свинцом меня набила,
Что ноль внимания уж я...

2 марта 2001

***

Правитель восходит на трон,
Чтоб вечно на нем оставаться.
Ты в женщину сладко влюблен,
Чтоб в муках всю жизнь извиваться.

Все двойственно под луной,
И нет золотой середины,
А хочется жизни иной,
Без этих — как их — хунвейбинов...

30 марта 2005

***

Безусловно, драматичен,
Безусловно, я страдаю.
Неприлично так публичен,
Лучший враг земного рая.

Но над всем, над суетою,
В том числе моей, конечно,
Что-то веет неземное —
Бесконечно, бесконечно...

27 марта 2005

***

Поставил крест я на себе,
Хороший, жирный крест.
Играет кто-то на трубе —
Заоблачный оркестр.

Быть может, это Михаил,
Быть может, просто джаз,
Который только пару миль
Не долетел до нас.

А я живу себе, живу
С крестом, чернеющим на лбу.
И, вглядываясь в синеву,
Я слушаю трубу:

Быть может, душу заберет
Тот, кто во мне ее найдет.
Быть может, впустят в ад и так —
Душа такой пустяк.

А впрочем, что тут говорить,
Гадая: быть или не быть.
Почил — аминь, живешь — живи.
Вот заповеди все твои.

1999

26 декабря

***

От безысходности пишу стихи,
Но никому уже их не читаю.
Не потому, что люди к ним глухи,
А потому что я людей не знаю.

«О одиночество, как твой характер крут!»
Действительно. И круче не бывает.
Душа, освобожденная от пут,
В прострации какой-то пребывает,

Не зная, что же делать ей с собой,
А также с внешним миром по соседству.
Скорее бы архангельский гобой
Мне подсказал от этой жизни средство.

Но, знаю, не подскажет, промолчит...
Архангелы все спят, забыв про Бога.
И боль моя, как кол, во мне торчит.
«Подумаешь, какая недотрога!»

И выхожу один я на дорогу,
Но ни одна звезда не говорит.

13 февраля 2001

МАНИФЕСТ

Чем хуже — тем лучше, чем хуже — тем лучше, —
Таков мой девиз с давних пор.
«Так ты мазохист?» — раздается из тучи.
А вы разве нет, монсеньер?

Скажу вам по-свойски, без всякой утайки —
Сочтемся потом как-нибудь:
Как вы, ковыряюсь я в маленькой ранке,
Чтоб боль разрывала мне грудь.

Пронзенный копьем и, как сын ваш, распятый,
Не умер я — так и живу.
На завтрак — страданье, на ужин — утраты,
В обед же — ад наяву.

И боль вышибаю я болью другою,
Третирую смерть походя.
Ни скрупула счастья, ни грамма покоя
На этой земле не найдя.

Быть может, и есть он — ваш рай, столь прият-
ный,
Что все так стремятся туда.
Но лучше уж быть навсегда мне распятым,
Чем горя не знать никогда.

***

Болят лопатки. Может, крылья режутся?
Но только кем я стану — неизвестно.
В раю ли Божьем предстоит мне нежиться,
Иль будет избрана совсем другая пьеса...

Туманно все. Грядущее безлико.
Как ночь, судьба моя черна.
И горько плачет Эвридика,
В глубины сна погружена.

И Атлантидой гибнут чувства,
И гаснут звезды на пути,
И так невыносимо грустно,
Что ничего уж не спасти...

И бродит по дорогам бесконечным,
Страданием и вечностью дыша,
С непонятым своим наречьем
Скиталица всегдашняя — душа.

2001 — 23 января 2002

***

Нет, ничего не изменилось
С тех приснопамятных времен,
Когда дарили смерть, как милость:
Сегодня ты, а завтра он.

Когда сверкали голенища,
А зал рукоплескал: «Убей!»
И убивали — тех, кто чище,
Талантливее и умней.

Нет, ничего не изменилось,
Я в этом убеждаюсь вновь.
Диктатор. Нутряная гнилость.
Аресты. Страх. И кровь. И кровь!

Нет мерзости и лжи преграды,
Преступник — царь, герой и бог.
Вновь выполнять приказы, рады,
Не думая спускать курок,

Все те же люди, что и прежде...
А где же новых ты возьмешь,
Когда — без права на надежду —
В наследство нам лишь страх и ложь?

Никто не понял: то, что было,
Опять точь-в-точь произойдет,
Когда урок той страшной были
На пользу все нам не идет.

9 января 2001

Александр Томкович

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНЫХ

Сейчас книги пишут многие, поэтому выход первой части «Судеб» Александра Томковича вряд ли можно считать чем-то неординарным. Вот мы и решили поговорить с автором не только о последней работе, но и об отношении к тем процессам, которые

— Однако начнем с книги. О чем она?

— Прежде всего, хочу оговориться, что там практически нет «меня». Книга состоит из рассказов разных людей об их жизни.

Идею мне «подарила», сама того не зная, народная артистка республики Зинаида Бондаренко, за что ей отдельное спасибо. Вместо рассуждений о текущей политике она предпочла рассказать немного о своей жизни. По сути, это и стало «первой ласточкой».

Весьма существенный момент. Монологи нельзя считать автобиографиями. Всего их будет свыше сорока, поэтому я решил половину из них издать сейчас, чтобы не получился слишком увесистый фолиант.

Никаких принципов подбора монологов нет. Кроме одной существенной детали — все судьбы были довольно сложными. Это, кстати, объясняет появление на страницах книги тех, кого власть считает «своими».

Еще один принципиальный нюанс. Я считаю неважным, к какому конкретно политическому лагерю принадлежит человек, если он действительно является интересной личностью.

— Это нормально, но насколько не согласуется с

официальными стандартами.

— К сожалению, да. Мне очень не нравится, когда те же журналистов начинают делить на «чэсных» и «нячэсных». К слову, так поступает не только власть, но и оппозиция. Власть считает «нячэсными» всех, кто ей не служит. Оппозиция называет «чэсными» практически всех, кто работает в государственных СМИ. Между тем там немало людей, чья порядочность не вызывает сомнений. Именно порядочность, на мой взгляд, и является здесь ориентиром.

Мне рассказывали, как одна из наиболее «чэсных», приняв изрядную дозу спиртного, клялась в своих тайных симпатиях к оппозиции. Известны случаи, когда «нячэсные» переходили в стан власть имущих и проявляли просто недюжинную активность, доказывая свою преданность новым хозяевам. И тех, и других я считаю просто хитрыми холуями. Ведь они хорошо понимают, что известное резиновое изделие после употребления выбрасывают.

Я против того, что представителей нашей профессии пытаются склонить к какому-то конкретному политическому лагерю. Если журналист покидает лагерь правды, ему перестают верить. А это потеря страшнее, нежели утрата неких материальных благ.

— Принято считать, что беззаветному служению не об-

ществу, а власти отдаются либо ренегаты, либо фанатики.

— Есть еще и те, кто заблуждается, и их большинство.

Мне знакомо немало примеров, когда отдельные коллеги из государственных СМИ искренне верили в исключительную справедливость власти, но как только они пытались противостоять откровенной глупости, то мгновенно причислялись к неблагонадежным.

Насчет явных идеологических клеветов много говорить нет смысла. Приведу только один пример. Недавно всем известный телепропагандист предлагал присудить кое-кому Нобелевскую премию в области экономики за «белорусское чудо». Очень сомнительно, что он не знал о несостоятельности подобного призыва, но рьяно усердствовал, прежде всего, потому, что живет в подаренной властью квартире, рыночная цена которой не одна сотня тысяч долларов.

— И все-таки, в чем особенность «Судеб»?

— В деталях. В каждом монологе есть не известные широкой публике эпизоды. О них невозможно узнать из каких-либо документов или услышать на митингах.

Это чисто журналистская работа. В том смысле, что там нет неких «литературных» моментов, то есть я

воспроизвел только то, что записал мой диктофон. Кстати, порой это было довольно сложно. Кое-кто говорил по несколько часов кряду, размышлял о неких высоких материях. Мне же нужно было совсем другое. После приходилось этот огромный объем информации «просеивать».

Непокорность судьбе — в крови

Все знают ее как популярную телеведущую, сделавшую непростой выбор, не поступившуюся своими принципами, хотя в материальном плане это, мягко говоря, невыгодно. Наверное, можно долго рассуждать о том, почему это произошло, и все будет правдой.

Нет сомнений, что и рассказ Зинаиды Бондаренко о своей жизни тоже многое

Моя мама — ее звали Мария — родилась в 1902 году на Гомельщине в не очень бедной семье. Скажу так — семья «средняков». Я немного помню тот дом, где прошла мамина молодость. Это, пожалуй, первые детские воспоминания. Плюс рассказы мамы.

Между Речицей и Лоевом есть такая деревня — Уборок. Моя мама оттуда.

Семья была многодетная. Бабушка умерла очень рано, пришла другая женщина, для моей мамы она стала мачехой. Мама была самой младшей, очень болезненной. Она болела золотухой, а братья — все пятеро — были крепыши. На болезненную девочку не обращали особого внимания, поэтому, когда из нее выросла красивая девушка, это было в некотором смысле неожиданно.

На нее начали заглядывать молодые люди, особенно сын местного кулака Павел.

Он был старше мамы лет на пятнадцать. Посватался. Дело было перед самой революцией. Кстати, в деревне о ней впервые услышали спустя многие месяцы после октября 1917-го. Глухое Полесье, новости туда доходили с опозданием, долго никто не знал, что где-то установлена советская власть. Для крестьянина самое главное — вовремя посеять и убрать урожай, то есть подготовиться к зиме, все остальное второстепенно.

Поэтому, когда пришли родители Павла Климовича, естественно, мою маму никто не спрашивал. Братья дали согласие на свадьбу. Меньше забот.

Так Мария оказалась в чужой семье. Мужа своего она не любила.

Через несколько лет сбежала, ушла в Гомель — там, по слухам, можно было найти работу. Тогда многие стремились к городской жизни и убегали из деревень.

Решение долго созревало. Мама знала, что в Гомеле есть какие-то дальние родственники. Рано утром, когда все были на работе, пешком пошла в областной центр. Нашла свою троюродную тетку, у нее и осталась.

К слову, муж Павел долго о ней ничего не знал.

Ходила по дворам, бралась за любую работу. У нее практически не было никакого образования. Четыре класса церковно-приходской школы.

Стала привыкать к городской жизни, спустя какое-то время познакомилась с Сашей Бондаренко. Он был из семьи железнодорожных рабочих, учился в ремесленном училище.

В начале 30-х, впрочем, как и сейчас, в вузах ввели квоты для рабочей молодежи, для уроженцев деревень. Сашу вызвали и спросили: «Хочешь поехать в Минск учиться на врача?» Он долго советовался с родителями, и они под-

держали сына, хотя сами зарабатывали на хлеб физическим трудом.

Когда моя мама рассталась с Сашей, оба плакали. Она понимала, что больше такого шанса у любимого может не быть, и не хотела ему мешать. Тогда она думала, что не увидит Сашу никогда.

Детство без детства

Какая же она была счастливая, когда спустя некоторое время получила письмо с признанием, что без нее Саша не может жить. Поехала в Минск, устроилась официанткой в рабочую столовую. Кому-то нужно было работать. Иначе — не прожить.

В 1931 году родился старший брат Игорь, я появилась на свет в 1939-м.

Жили родители в общежитии мединститута, который тогда находился в районе железнодорожного вокзала, в здании, где теперь расположен БГУ.

Когда я родилась, отец уже окончил ординатуру и работал в военном госпитале на улице Веры Хоружей.

Там его и застала война. Минск бомбили уже на второй день. В тот момент отец дежурил. Больше суток его не было дома. Вечером 24 июня из госпиталя прибежала медицинская сестра и со слезами сказала, что папа погиб и нужно уходить. Отец действительно был в операционной, когда в здание попала авиабомба. Грохот, крик, шум. Вот и решили тогда, что все погибли.

Со слезами мама собрала побольше одежды (понимала, что ее придется менять на еду), взяла меня на руки, и мы пошли в сторону Бобруйска. Железнодорожный вокзал в Минске уже горел.

Мы шли по ночам, потому что днем дорогу, по которой шли беженцы и отступающие военные части, постоянно бомбили.

Таким образом мама сохранила нам жизнь. Когда она

Зинаиде Бондаренко 1 год

умерла, я не долго думала, что написать на памятнике. Попросила художника вывести сусальным золотом на мраморной плите слова: «Дзякуй, матулечка, за зберажонае жыццё».

В Бобруйске попытались сесть на поезд до Москвы. Мама вспомнила, что там жил родной брат отца Василий. Но на вокзале сказали, что поезда не доходят до Москвы. За 150–200 километров всех высаживают и возвращают назад. Мама решила вернуться в родную деревню.

В начале добрались до Гомеля. Ноги у всех опухшие, ведь практически больше месяца шли пешком.

А в Гомеле еще было спокойно. Даже особенно не бомбили. Зенитки отгоняли не-

мецкие самолеты. Там была советская власть. Работали райкомы, обком. Константин Симонов в своем романе «Живые и мертвые» рассказал, как долго шли бои в том направлении.

Остановились у папиной сестры. Мама написала письмо в деревню Уборок своему брату Николаю. Буквально через неделю он приехал на телеге и нас забрал. От Гомеля до этой деревни — 70 километров.

Немного помню, что у дяди Николая был большой просторный дом, и, когда изредка до деревни добирались немцы, они всегда у него останавливались.

Начало войны почти не запомнилось, а вот время перед освобождением помню хорошо. Тогда мне было уже пять лет.

Особенно запомнилась церковь в деревне Уборок. Господи, какая же она была красивая и, как мне казалось, очень большая. Позолоченные купола были видны отовсюду. К сожалению, при наступлении советских войск

это божественное чудо разбомбили и до сих пор не восстановили.

Отец был красивым, смуглым, с черной вьющейся шевелюрой. Он родом из деревни Бововичи, что ближе к Чернигову, в которой у половины жителей была фамилия Бондаренко. Все крепкие, смуглые. Мой брат Игорь тоже был темненьким. И, когда дядя Николай привез нас в Уборок, брата сразу же прозвали «жидок». В деревне ходило много разговоров по этому поводу. Говорили, что муж у Марии коммунист и наверняка еврей. Поэтому, когда в деревню приходили фашисты или полицаи, мама прятала Игоря. Я, голубогла-

Нязгубнае

зая и белоголовая, не вызывала никаких подозрений.

Уже слышалась канонада. Как-то к маме прибежала женщина, которая прислуживала старосте, и сказала, что скоро придут каратели и что она видела нас в списках на уничтожение как семью коммуниста и еврея. Перед этим в деревню уже приходили полицаи. У нас во дворе гуляла девочка, Тамара Кузина. По всей деревне шум, крик, слышны выстрелы. Соседка сказала матери, что это всех Кузиных забирают, так как у них один из братьев в партизанах. Тамара это услышала и рванулась со двора. Мама схватила ее и не выпустила. Так она спасла ей

Потом эти коровки помогали нам выживать. Пришли в лес, дремучий с вековыми соснами. Там мы жили в куренях: делаются такие деревянные балки, прислоняются одна к другой, на них набрасываются ветки, внутри — место для костра, чтобы согреться. Прожили в лесу до начала ноября.

Вскоре Тамару Кузину забрал ее родственник, заместитель командира партизанского отряда. К слову, партизаны часто к нам наведывались и конфисковывали коров, если семья была небольшая.

Однажды сию я в курене с кружкой молока в руке, слышу мамин голос, она радостная, счастливая, дает мне кусок бе-

торчали обгоревшие печные трубы. Дядя Николай был зажиточным человеком, а после войны все стали нищими.

Люди копали землянки, благо земля еще не очень промерзла, так пережили зиму. Потом начали строить дом. Мама часто плакала, вспоминала свою счастливую жизнь с папой. Однажды к нам зашла гадалка, разложила карты и сказала ей: «Муж твой жив, только рядом с ним другая женщина».

Мама начала писать братьям отца в Москву, в Гомель, и вдруг приходит письмо от папы. Он сообщал, что находится в Германии, служит в военном госпитале. Оказа-

Мама, папа и брат Игорь. 1939 г.

жизнь. Девочка осталась у нас, а остальных Кузиных загнали в сарай и сожгли.

В деревне, конечно, паника, все понимают, чего можно ждать от карателей. Дядя Николай вывел из сарая двух коров, велел маме собираться и идти на Лесуны, то есть в самое глухое Полесье. На одну из коров нагрузили пожитки и одежду, так как начинались осенние холода. Со своей семьей и другой коровой дядя Николай вместе с некоторыми селянами двинулись в сторону болот. Может, хоть кто-нибудь спасется...

лого хлеба и говорит, что «пришли наши». Это было чем-то необычным. Никогда не забуду вкус того солдатского хлеба. Мы в лесу ели только несоленую картошку с молоком, забыли вкус соли. Я не знала, кто такие «наши». Подумала о дяде Николае. Оказалось, это Советская Армия.

Когда мы возвращались в деревню, уже лежал снег. Всюду валялись трупы. Ядовитый запах. Мама отворачивала мое лицо, чтобы я не смотрела.

Своего дома, как и многих других, мы не увидели. Вокруг

лось, он не погиб тогда. Началась эвакуация, он успел убежать домой и увидел вместо общежития огромную воронку. Решил, что мы погибли. Папа служил в медсанчасти до последнего дня войны.

В 1944 году у него родился сын. Гадалка сказала правду. У отца была уже другая семья. Но об этом мы сначала не знали. Вскоре из Германии вместо писем начали приходить посылки. В основном детские игрушки. Помню, один раз папа прислал целый чемодан кукол, маленьких, смешных. Сбежалась вся деревня

их рассматривать: «Глядзіце, гэта ж Яўменіха, а гэта — Васька Петракоў».

Стали собираться в Гомель, где было много родственников отца. Некоторое время мы жили у его двоюродной сестры. Мой брат Игорь пошел в школу. И вдруг стало известно, что в Гомель прибыли военный госпиталь и туберкулезная больница, после войны было очень много больных туберкулезом.

Через некоторое время мы узнали, что главным врачом областной туберкулезной больницы назначен

другой. Вскоре брата определили в ремесленное училище. А мы с мамой жили на квартире.

Родственники папы советовали маме сражаться за семью, бороться за свое счастье.

Вторую жену отца Екатерину Ивановну сложно было назвать красивой женщиной, но она была очень мудрым человеком. Родила второго ребенка, потом — третьего. Со временем мы все подружились, и до сих пор мы родные братья и сестры. И отцу некуда было деться: в одной семье двое де-

ной больницы. Наверное, в нее что-то попало, потому что, когда в школе делали прививки, у меня оказалась положительная реакция.

Мама старалась меня подкармливать, хотя ей было очень трудно. Она работала простым дезинфектором, зарплата у нее была маленькая. Каждый год на целое лето она отправляла меня к дяде Николаю «котпиваться молочком». Вот где для меня было раздолье.

Однажды был такой случай. Председатель колхоза сказал, что вместо беготни мы должны поработать. Вечером придут артисты, и, если мы поможем женщинам на веялках, он проведет нас на концерт. Мы очень старались. Вечером выстроились возле клуба, ждем, когда будет идти председатель. Он прошел со своими детьми и сделал вид, что нас не заметил. Это был первый в моей жизни обман «государственного мужа».

Ко мне с кулаками бросились мальчишки, ведь это я тогда сагитировала всю сельскую детвору на трудовой подвиг.

Жизненный выбор

В школе я очень увлеклась театром, бегала в драматический кружок. Помню, мы ставили спектакль по Чехову. Я играла главную роль. Мама мне сшила красивое длинное платье. Я тогда впервые услышала аплодисменты в свой адрес.

Однажды — я тогда училась только в девятом классе — мы с девочками и парнями из нашей школы гуляли в парке на берегу Сожа, рядом со знаменитым дворцом князя Паскевича. Кто-то предложил искупаться. Это было в конце мая. Мальчишки всех «завели». Из девочек отважилась только я. Доплыла чуть ли не до середины реки. В воде очень замерзла и вернулась назад. Наверное, это и стало причиной того, что я заболела

3. Бондаренко с сыновьями Сашей и Володей. 1978 г.

Александр Порфирьевич Бондаренко.

Очередные испытания

Другая семья. Еще одна трагедия.

Для моего брата это стало настоящим шоком, ведь он очень сильно любил папу. Игорь перестал учиться, бегал смотреть, что делает отец, как переходит из одного корпуса в

тею, в другой — трое. Снять комнату маме с ребенком было сложно, и я один год жила в семье отца. Оттуда пошла в школу.

Я все время ждала маму и боялась, понимая, что ее приход закончится скандалом.

Игорь всегда был голоден, кормили в реальном училище слабо. Он прибежал к отцу поест. Мачеха для своих детей готовила отдельно, а мы ели пищу из столовой туберкулез-

плевритом, а потом у меня обнаружили туберкулез. В моем организме где-то уже была «палочка» — так мне сказали врачи. Одно время я даже лечилась в санатории. Организм молодой, поэтому через год-полтора у меня уже были нормальные анализы и я могла учиться дальше. По совету отца поступила в Гомельское медучилище.

Кстати, для папы моя болезнь была настоящим ударом: главврач туберкулезной больницы, а у самого дочка заболела туберкулезом. Он очень переживал, доставал разные лекарства. Я сама себе делала уколы каждые четыре часа.

Увлечение театром не прошло, записалась в драматическую студию Дворца культуры железнодорожников. Там поставили несколько спектаклей, один даже показывали по телевизору. Художественный руководитель нашей студии Сергей Павлович Остроумов был одновременно и главным режиссером Гомельской студии ТВ. Он-то первым и увидел во мне задатки для работы в эфире. Я очень благодарна этому человеку. В училище я помогала готовить выпуски радиогазеты, и многие говорили, что мой голос красиво звучит.

Однажды в «красном уголке» училищной библиотеки я услышала по телевизору (они тогда были маленькие, кажется, назывались КВН), что проводится конкурс дикторов областной студии телевидения, но не придавала этому никакого значения. Вечером пришла на очередную репетицию, и Сергей Павлович посоветовал мне поучаствовать в конкурсе. Мои возражения насчет поступления в мединститут его не убедили. Дескать, не мешает. И я пошла. Приготовила, как сейчас помню, отрывок из поэмы Некрасова «Княгиня Трубецкая». На белорусском языке надо было что-то рассказать о себе.

1992 г.

Конкурс проводился во Дворце культуры. Нас приглашали в какую-то комнату. Коридор гудел. Народу — тьма-тьмущая. Среди конкурсантов было немало жен военных, их детей, потому что вокруг Гомеля стояло много воинских частей. Все были хорошо одеты.

Я стояла в простом темно-синем платье и про себя повторяла свой отрывок из поэмы. Возле меня остановились две красивые молодые женщины, и одна другой говорит: «Мой сосед, который работает на телевидении, сказал, что если на конкурс придет Бондаренко, то нам здесь делать нечего, но она вроде бы собирается поступать в мединститут. Если она не передумала, значит, у нас есть шанс».

Настроение у меня совсем упало: «Еще какая-то Бондаренко придет?..» Я не подумала, что они говорят обо мне. Но прошла все туры — и победила.

Я училась, предстояло еще сдавать госэкзамены. Но так как диктор Валя Шишкова уходила в декретный отпуск, меня попросили совмещать учебу с работой на телевидении. По вечерам приходила в студию (областное ТВ тогда вещало три часа в сутки) и читала все, что было: новости, анонсы фильмов, мультиков и т. д.

Когда я получила первую зарплату — 1500 рублей старыми деньгами, — то мама заплакала. Мы с ней таких денег не видели никогда.

Отец был категорически против работы на ТВ. Гово-

рил, что это какая-то непонятная профессия, без всяких перспектив, что мне нужно быть только врачом и поступать в мединститут. Но в то время стоило мне переступить порог маленького, примитивного по сегодняшним меркам, сверкающего от заж-

сказывали, что после моего появления в столице на телевизионных экранах стали звонить зрители и интересоваться, откуда взялась эта девочка, она должна работать в Минске.

Мне сразу же предложили переехать, но я не решалась

перегородив ее фанерой. У нас родился сынуля Сашенька. Мужу никакой квартиры не обещали.

Я пошла к председателю областной телестудии и сказала, что у нас родился сын. Спросила, можем ли мы надеяться на получение жилплощади. Он ответил, что никаких надежд нет.

Тогда я почему-то обиделась, а теперь за это благодарна.

Вскоре мы оказались в Минске. Муж часто ездил в столицу в командировки, зашел к Нестеровичу и объяснил, почему я отказалась переезжать.

В Гомеле я заочно училась на белорусском отделении филфака пединститута. Перевелась в Белорусский государственный университет и учебу заканчивала уже в Минске.

Кроме того, я закончила курсы в институте усовершенствования работников радио и телевидения на Шаболовке. К слову, тогда мы почти все учились в Москве по два — шесть месяцев. Представляю, сколько это стоило. Вот уж воистину — все вокруг советское, все вокруг мое...

Надо отдать должное москвичам. Они делали все, чтобы мы получили нужную квалификацию. Присылали в Минск опытных педагогов. Здесь бывали Юрий Левитан, Валентина Леонтьева, Нина Кондратова, Валерий Фокин и многие другие.

На БТ я проработала с 1963 по 1998 год.

Житейские коллизии

С мамой мы часто ездили в Грузию, где после службы в армии остался мой брат Игорь. А получилось все так. Папа уговорил военкома отправить Игоря служить подальше, а мама, наоборот, просила, чтобы сын служил поблизости. О просьбе отца она ничего не знала.

Везли призывников товарным поездом. Проехали Чер-

2004 г.

женных «софитов» студийного павильона, я понимала, что в мою жизнь входит что-то волшебное, изумительное.

Никаких минских программ мы не использовали, все делали сами. Из Москвы, с Центрального телевидения, получали записи каких-то передач и фильмов. Монтировали программы с использованием местного материала.

В Минск я попала по работе. Нужно было объявить о начале Дней культуры Гомельской области. Коллеги потом рас-

признались, что жду ребенка, и отказалась. Когда меня вызвал председатель комитета по телевидению и радиовещанию Василий Петрович Нестерович, я постеснялась ему об этом сказать и вернулась обратно в Гомель.

Я уже была замужем. Муж, Геннадий Копьев, работал инженером-конструктором на «Гомсельмаше». Поженились мы довольно быстро, через две недели после знакомства.

Жили у мамы, в одной большой комнате барачного дома,

нигов, Киев, Краснодар. Ехали около трех недель, и будущие солдаты начали шутить, что их, наверное, везут в Турцию. Игорь служил на юге Грузии, и только к концу службы его часть перевели поближе к Тбилиси. Они испытывали танки столичного завода, он познакомился с русской девушкой, женился и там остался. Жизнь его сложилась трагично. После службы работал электросварщиком, профессия нужная. За любую работу люди рассчитывались вином. Со временем брат пристрастился к спиртному. Лечили. Ничего не помогло. В конце концов его жена Надя не выдержала. Игоря посадили в самолет, нам дали телеграмму, чтобы встретили. Папа к тому времени уже умер.

Так мой брат вдвоем с мамой и доживал в Гомеле. Вначале умерла мама, затем Игорь.

Я иногда езжу на их могилки. Все они там похоронены рядом — мама, папа, Игорь, мачеха Екатерина Ивановна. В короткой жизни было так много разногласий, а смерть всех примирила.

Вместо эпилога

У меня часто спрашивают, как я отношусь к тем, кто сегодня работает на отечественных телеканалах. Я их не осуждаю. Они заложники этой системы. У них нет выбора. Или они пройдут мимо профессии — а многим очень хочется быть дикторами, телеведущими, — или должны работать на власть, какая бы она ни была.

Авторское послесловие

С Зинаидой Александровной мы беседовали 22 марта 2005 года. Я сразу же предупредил, что меня не интересует политика. Бондаренко рассказала о своей жизни. Сама того не зная, она подарила мне идею сделать эту книгу.

Р. С. Напечатано с дополнениями и уточнениями героини публикации.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

История мировой цивилизации богата событиями, которые ничто не в состоянии вычеркнуть из памяти народа. События эти всегда неординарны. Они связаны в первую очередь либо с массовыми движениями — революциями и восстаниями, мощными и глубочайшими внутренними катализаторами, вздыбившими на длительное время общество и государство, либо с катаклизмами внешними — войнами, потрясавшими устои как противостоящих друг другу стран, так и целого комплекса государственных систем.

Перечислить все эти войны невозможно. Ими насыщены все века, одни — более, другие — менее. На смену локальным войнам приходят региональные, и наоборот, а в дальнейшем возникают мировые войны. И снова войны локальные и региональные, и т. д. Без войны, увы, человечество еще не

Но войны бывают разные: справедливые и несправедливые и, соответственно, захватнические и национально-освободительные. Вторжение войск на чужую территорию ничем не может быть

оправдано. И народ берется за оружие, когда враг посягает на его священную землю. Так было и так будет, пока существует человечество.

Но одни войны быстрее стираются из памяти современ-

ников и потомков, другие остаются в ней навечно. И сколько ни пройдет лет, историческая память вновь и вновь будет возвращать к временам незабвенной славы, особенно если эта слава народная.

Для России и Беларуси такой войной стала первая Отечественная война 1812 года. С тех пор прошло уже 194 года, а и художественная литература, и исторические сочинения, и публикации, и произведения искусства вновь и вновь возвращают нас к этому событию.

...14 ноября, после пятидневного пребывания в Смоленске, Наполеон с гвардией вышел из города по направлению к Красному. За ним шли остатки корпусов вице-короля Евгения, Даву, Мюрата. За всей этой армией шел арьергард под начальством маршала Нея, а за Неем двигались русские. Спустя некоторое время Нею суждено было отчаянной борьбой и искусным маневрированием спасти как самого Наполеона, так и те 30–35 тысяч бойцов и 30 тысяч больных, почти безоруж-

Французская конница при Наполеоне I (слева направо): кирасир, драгун, конный егерь, жандарм, мамелюк, гусар, вожатый (гид)

ных, усталых, уже не годных к серьезной битве солдат, которые плелись за вышедшей из Смоленска армией, направляясь вместе с ней через Красное и Дубровну в Оршу.

Двум очень большим испы-

Первым испытанием были бои под Красным, вторым — Березина. В обоих случаях, по мнению ближайшего окружения Кутузова, старый фельдмаршал упустил Наполеона.

таниям подверглась вера в Кутузова именно у тех, кто его искренне уважал и почитал: у Дохтурова, Дениса Давыдова, Коновницына, Раевского, — не говоря уже о не очень его любившем Толе. И случилось это, именно когда Наполеон

Весь кутузовский штаб после боев под Красным окончательно убедился, что Кутузов не хочет путем усиленных кровопролитных боев вызвать решительную развязку.

15, 16, 17, 18 ноября, в особенности же 17-го и 18-го, шли эти бои, в ходе которых французы кое-где отступали в порядке, а кое-где поддавались панике и ударялись в бегство, бросая оружие. Наполеон с гвардией и с более или менее сохранившимися частями вовсе и не стремился под Красным удержать позиции: он хотел только вывести из боя то, что можно было. Он спешил к Березине. Только уход из России, уход как

18 ноября Ней, еще не зная, что Наполеон ушел из Красного, пытался с боем прорваться сквозь соединенные русские силы — Милорадовича, Паскевича и князя Долгорукого. Но маршала отбросили обратно к лесу, откуда он вышел.

Русские были в тылу, русская пехота стояла по обе стороны, русские открыли артиллерийский огонь с флангов. Впереди был лес, запорошенный снегом, без дорог, за лесом — Днепр. Французские орудия были подбиты. Ней был сдавлен со всех сторон. Вдруг русский офицер явился к маршалу с предложением сдаться.

Есть несколько схожих вер-

В день 194-й годовщины перехода армии Наполеона через Березину на Брилевском поле Минской области у памятника погибшим здесь воинам состоялась церемония прощания с останками солдат французской армии, которые были найдены в сентябре 2005 года поисковым батальоном Минобороны Беларуси. Минская область, 26 ноября 2006 года

вышел из Смоленска и начался заключительный акт отступления остатков великой армии. Первым испытанием были бои под Красным, вторым — Березина. В обоих случаях, по мнению ближайшего окружения Кутузова, старый фельдмаршал упустил Наполеона.

можно более поспешный, мог сохранить хоть часть тех 30–40 тысяч бойцов, которые у него остались. Под Красным произошел своего рода отбор: погибли или сдались в плен наиболее боеспособные люди, которые просто не могли уже поспеть за уходящими частями.

сий ответа, который дал Ней: «Императорский маршал в плен не сдается! Под огнем люди в переговоры не вступают!», или: «Вы, сударь, когда-нибудь слышали, чтобы императорские маршалы сдавались в плен? Нет? Так извольте замолчать!» Ней приказал своим генералам: «Продвигаться сквозь лес!

Реконструкія сражэння паміж русійскай і напалеонаўскай арміямі ў студзені 1812 года пасля адступлення французскіх войскаў з Масквы ўздоўж вёскі Студэнка, Борысавскі раён, Мінская вобласць, 17 студзеня 2002 года

Нет дорог? Продвигаться без дорог! Идти к Днепру и перейти через Днепр! Река еще не совсем замерзла? Замерзнет!

Ней перешел Днепр, потеряв из 3 тысяч солдат и офицеров 2200 человек.

Марш!» Около 3 тысяч человек прошло за Неем без дорог сквозь покрытый снегом лес к реке. Русские сначала потеряли их из виду и стали брать в плен те тысячи безоружных раненых, которые плелись за арьергардом. Ней дошел до реки. Тонкий, еще хрупкий лед покрывал поверхность Днепра. «Вперед!» — крикнул маршал, и войска двинулись за ним.

По этому льду еще никто из местных жителей не отважи-

вался пройти, а Ней провел свой корпус.

Ней перешел Днепр, потеряв из 3 тысяч солдат и офицеров 2200 человек. Те солдаты его арьергарда, которые спаслись при этой переправе, рассказывали о том, как много их товарищей провалилось в полыньи и исчезло подо льдом на их глазах.

Окрестности Днепра оглашались воплями тонувших, провалившихся сквозь некрепкий лед, и нельзя было и думать о том, чтобы переправлять тяжелые фуры. А вокруг и на том, и на другом берегу рыскали казаки, то исчезая, то появляясь вновь. Вопли и мольбы наконец заставили офицеров попытаться пере-

править несколько фур, наполненных ранеными, женщинами и детьми. Но едва повозки спустились на замерзшую реку, как лед под ними надломился, и людей поглотила холодная вода.

Второй этап отступления еще только начинался... Ней и оставшиеся 800 бойцов пришли к Наполеону в Оршу. Тот молча ждал маршала в своих объятиях. Ней и дальше вызвался командовать на самом опасном участке: возглавить арьергард, на который наседали Платов с казаками и Милорадович с регулярной конницей.

На рассвете 18 ноября французский авангард вошел в Оршу, а старая и молодая гвардия с Наполеоном добралась до Дубровны. Около часу дня 18 ноября Наполеон с гвардией уже выступил из Дубровны и 19-го вошел в Оршу. Отсюда он 20-го двинулся к Борисову, городу на левом берегу Березины, откуда думал начать переправу на правый (западный) берег реки по уцелевшему мосту. Сколько было у Наполеона войск в этот наиболее критический момент отступления? Точного подсчета не сделали ни в Смоленске, ни в Орше. По некоторым данным, войско насчитывало 90 тысяч человек, из них 35–40 тысяч боеспособных (во главе с почти нетронутой гвардией) и 50–55 тысяч слабосильных, не годных к бою людей, только затруднявших движение Наполеона; приводится и другая — минимальная — цифра: 55–60 тысяч человек, из которых 23–25 тысяч бойцов и 30–35 тысяч безоружных, больных, полузамерзших.

Все исследователи сходятся в одном: у Наполеона было около 30–35 тысяч годных к бою людей, может быть, немного больше. В основном это были чисто французские части. За ними тащились десятки тысяч итальянцев, немцев, поляков, голландцев, иллирийских славян, разноплеменных и разноязычных, не

понимающих друг друга, ненавидящих друг друга и особенно — свое начальство, рвущих друг у друга хлеб и те жалкие суррогаты пищи, которыми люди пытались утолить голод. Их засыпал снег, они мерзли, спотыкались и валялись, голод и холод довели их до помрачения сознания. Они двигались, как автоматы, падали, замерзали, молча умирали, и товарищи шли мимо, даже не пытаясь им помочь.

Наполеон со своей гвардией приближался к смертельно опасному барьеру, который нужно было непременно взять — или погибнуть.

Уже на третий день после выхода из Орши передовые разряды его авангарда увидели перед собой мутную полосу воды. Перед ними про-

Наполеон с армией перешел по навешенным мостам через Березину раньше, чем трое русских генералов, которые должны были «завязать его в мешок», явились на место действия.

стиралась довольно широкая река с очень илистыми берегами, еще не замерзшая, однако по ней уже плыли первые небольшие льдины, — река, переправа через которую была бы нелегка даже и в обычное время, а при начавшемся замерзании — и подавно.

Это была Березина

«Березина! Роковое имя, роковое место, где могли окончиться, но не окончились, а продлились еще на три года бедствия человечества! Место, где совершена была ужаснейшая ошибка, за которую Европа заплатила новыми сотнями тысяч жизней на полях Лютцена, Бауцена, Дрездена, Кульма, Лейпцига, Труа, Линьи, Ватерлоо, новыми долгими годами разорения и военной грозы!» — так писали о Березинской переправе германские мемуаристы первой половины XIX в., когда еще не вымерло поколение,

пережившее и перестрадавшее наполеоновскую эпопею.

Наполеону удалось уйти — и поэтому всемирное побоище завершилось не в ноябре 1812 года, а только в июне 1815-го, когда французский император был окончательно побежден в последней своей кровавой битве при Ватерлоо. Под Березиной стратегический талант Бонапарта развернулся во всю ширь и защитил его от, казалось бы, неминуемой капитуляции. По мнению военных историков, вполне согласных в этом с Клаузевицем, Наполеон под Березиной не только «в полной мере спас свою честь, но даже приобрел новую славу».

16 ноября Минск, где огромные продовольственные и боевые запасы ждали Наполеона, был занят русскими войсками — авангардом армии Чичагова под начальством графа Ламберта. Бонапарт узнал об этом уже через два дня, 18 ноября, еще до вступления в Оршу. Вскоре после этого Наполеона поразила весть, что Чичагов занял уже и Борисов. С этого момента Наполеон срочно рассылает приказы и Домбровскому, и Удино, и Виктору, чтобы они как можно больше сил сосредоточили около Борисова, — французский император торопился обеспечить себе переход по борисовскому мосту на правый берег Березины.

25 ноября рядом искусных маневров и демонстраций Наполеону удалось привлечь внимание Чичагова к Борисову и территории южнее этого города, и пока Чичагов стягивал туда свои силы, под началом короля неаполитанского Мюрата, маршала Удино и двух видных инженерных генералов Эблэ и Шасслу успешно строились два моста у Студенки.

В ночь с 25 на 26 ноября в Студенку вступила императорская гвардия, а на рассвете

появился и сам Наполеон. Он приказал немедленно начать переправу. У него в распоряжении было в ту минуту всего 19 тысяч бойцов. Переправа шла уже при перестрелке с отрядом генерала Чаплица, ко-

«Березина! Роковое имя, роковое место, где могли окончиться, но не окончились, а продлились еще на три года бедствия человечества! Место, где совершена была ужаснейшая ошибка, за которую Европа заплатила новыми сотнями тысяч жизней на полях Лютцена, Бауцена, Дрездена, Кульма, Лейпцига, Труа, Линьи, Ватерлоо, новыми долгими годами разорения и военной грозы!»

торый первый заметил, что Наполеон куда-то уводит из Борисова свои войска. Наполеон велел прочно занять оба берега у навешенных мостов через Студенку. Весь день 26 ноября туда подходили войска. В ночь с 26-го на 27-е Наполеон велел переправиться на правый берег маршалу Нею с остатками его корпуса и со всей молодой гвардией. Всю ночь и все утро 27 ноября французские батальоны один за другим переходили реку. Во втором часу дня 27 ноября двинулась старая гвардия с Наполеоном. Затем пошли дивизии корпуса Виктора. Переправившаяся французская армия выстраивалась на правом берегу.

Вечером и ночью с 27 на 28 ноября на левый берег, еще не оставленный регулярными французскими войсками, начали прибывать огромные толпы безоружных и полубезоружных людей, оставших, больных, с отмороженными пальцами, а иногда и руками или ногами. За ними и вместе с ними стали переправляться обозы, а с обозами — те несчастные иностранцы, вышедшие с французами из Москвы, которые еще уцелели во время отступления. Там было много женщин и детей. Они рвались к переправе, умоляли пропустить их поскорее, говорили о казаках, которые идут следом за ними, но их не пропустили. Наполеон приказал прежде

всего переправить бойцов, а уж потом, если хватит времени, — безоружных, раненых, женщин и детей, если же времени не останется, — сжечь мосты.

Времени не хватило

Бои 28 ноября были упорны, но безуспешны для русских войск. Ни Чичагов, ни Витгенштейн не действовали так, как могли бы, хотя на правом берегу у Чичагова было 25 тысяч человек, а у Наполеона — 19 тысяч, на левом же берегу у русских — около 25–26 тысяч, а у маршала Виктора — около 7–8 тысяч бойцов. В 9 часов утра 29 ноября, несмотря на вопли и мольбы тысяч раненых, безоружных и всех шедших с обозами, генерал Эблэ приказал сжечь оба построенных им и Шасслу моста. После этого казаки налетели на оставшуюся многотысячную беспорядочную толпу. Пошла рубка и стрельба.

Все было кончено: Наполеон с армией перешел по навешенным мостам через Березину раньше, чем трое русских генералов, которые должны были «завязать его в мешок», явились на место действия.

У очевидцев и участников тех событий навсегда соединились в памяти стратегическая победа Наполеона над русскими тогда, когда, казалось, ему грозил полный разгром, и вместе с тем страшная картина побоища уже после перехода императора с гвардией и остатками армии на западный берег реки.

«Видишь ли деревни Брилово и Стахово? Там Наполеон дал нам кровопролитнейший бой; сильные батареи с того отлогого берега прикрывали его переправу и целый день дрались на ней с переменным счастьем. Здесь величайший из полководцев достигнул своей цели. Хвала ему!» Так пишет инженерный офицер армии Чичагова Мартос. Он дает картину того, что

увидел, когда вместе с Чичаговым подъехал к месту битвы уже после удавшейся Наполеону переправы и ухода его войск: «Вечеру того дня равнина Веселовская, довольно просторная, представляла ужаснейшую картину: она была покрыта каретами, телегами, большею частью переломанными, наваленными одна на другую, устлана телами умерших женщин и детей, которые следовали за армией из Москвы, спасаясь от бедствий сего города или желая сопутствовать своим соотечественникам, которых смерть поражала различным образом. Участью этих несчастных, находящихся между двумя сражающимися армиями, была гибельная смерть; многие были растоптаны лошадьми, другие раздавлены тяжелыми повозками, иные поражены градом пуль и ядер, иные утоплены в реке при переправе с войсками или, ободренные солдатами, брошены нагие в снег, где холод скоро прекратил их мученья... По самому умеренному исчислению, потеря простирается до 10 человек».

Русская армия тоже жестоко страдала в эти дни от лютых холодов: «После переправы через Березину настали страшные морозы. Я не мог проехать верхом более десяти минут, и, так как снег не позволял долго идти пешком, я то садился на лошадь, то слезал с нее и разрешил моим гусарам проделывать то же самое. Я предохранял свои ноги от мороза, засовывая их в меховые шапки французских гренадер, коими была усеяна дорога. Мои гусары страшно страдали... Сумский полк насчитывал не более ста двадцати лошадей, годных идти в атаку... Наша пехота была видимо расстроена. Ничто не делает человека столь малодушным, как холод: когда солдатам удавалось забраться куда-нибудь под крышу, то

не было никакой возможности выгнать их оттуда. Они предпочитали умереть. Рискую сгореть, солдаты забирались даже в русские печи. Надобно было видеть все эти ужасы собственными глазами, чтобы поверить этому», — так описывает русский гусарский генерал Левенштерн состояние армии, шедшей за отступающими французами.

Положение французских войск в это время было совсем катастрофическим.

Инженерный офицер армии Чичагова Мартос дает дальнейшее описание того,

Через Березину с Наполеоном переправлялось в общем, считая с безоружными, ранеными, больными, около 60 тысяч человек, уже на правом берегу, от Березины до Молодечно, к ним присоединилось еще до 20 тысяч солдат (из корпусов, оставшихся на флангах). Из общей массы в 80 тысяч человек 40 тысяч погибли на пути от Березины до Вильны: большая часть — между Молодечно и Вильной, и еще очень многие — между

что увидел на Березине: «Невольный ужас овладел нашими сердцами. Представьте себе широкую извилистую реку, которая была, как только позволял видеть глаз, вся покрыта человеческими трупами: некоторые уже начали замерзать. Здесь было царство смерти, которая блестела во всем ее разрушении.

Ветер и мороз были жестокие, все дороги замело снегом, по ближнему полю шатались толпами французы. Одни кое-где разводили огонь и садились к нему, другие резали у лошадей мясо и глодали их кости, жарили его, ели сырым; скоро показались люди замерзлые и замерзающие. Никогда сии предметы не изгладятся из моей памяти». Бесконечная дорога была сплошной «улицей мертвых тел».

К голоду прибавилось новое страшное бедствие. Как раз после Березины начались большие морозы. До тех пор они не только не могли называться очень суровыми, но, напротив, перемежались с днями потепления.

Но вот с 28 ноября начались морозы, достигавшие 25–26, даже 28 градусов и державшиеся до 12 декабря. По ночам дважды доходило до 37 градусов. Это новое бедствие окончательно сокрушило остатки наполеоновской армии. Плохо одетые люди не могли более двигаться, падали и замерзали.

«Большая часть артилле-

пехоты», — все это пишет в рапорте Наполеону начальник штаба маршал Бертье, князь Невштательский. Донесение помечено: «Вильна, 9 декабря, 5 часов утра».

Мороз буквально истреблял (и очень быстро) остатки французской армии; истощенные страшным длительным голодом и измученные переходом по глубокому снегу, люди

По пути от Полоцка Витгенштейн дал своим войскам небольшую передышку. Солдаты уже уселись за щи и кашу. Сбившись в кучу, французы, сдавшиеся отряду в плен, голодные, полузамерзшие, как говорит очевидец этого происшествия, «устремили на пищу полумертвые глаза свои. Нескольким русским солдат, оставившим свои ложки, встали и сказали

рии приведена в негодность вследствие падежа лошадей и вследствие того, что у большинства канониров и фурлейтов отморожены руки и ноги... Дорога усеяна замерзшими, умершими людьми... Государь, я должен сказать вам всю правду. Армия пришла в полный беспорядок. Солдат бросает ружье, потому что не может больше держать его; и офицеры, и солдаты думают только о том, как бы защитить себя от ужасного холода, который держится все время на 22–23 градусах.

Неприятель преследует нас все время с большим количеством кавалерии, орудиями на саях и небольшим отрядом

тысячами погибали от холода. Изношенные лохмотья, в которые обратились их одежды, и рваные истоптанные сапоги не могли защитить от крепких морозов.

Маршалу Нею еще удалось в эти тяжелые дни собрать между Березиной и Вильной кучку боеспособных людей и часами отстреливаться от русских. Но это было исключением.

В эти дни жесточайших морозов русские войска ослабили преследование. Попасты в плен к регулярным русским войскам было мечтой погибающих французских солдат.

Вот сцена, описанная очевидцем.

прочим товарищам: «Ребята, что нам стоит не поесть! Уступим наше горячее французам!» Вдруг все встали, а пленные французы тотчас бросились к пище, не могли скрыть своего удивления». Аналогичные случаи описываются и в воспоминаниях солдат, офицеров и врачей наполеоновской армии.

Через Березину с Наполеоном переправлялось в общем, считая с безоружными, ранеными, больными, около 60 тысяч человек, уже на правом берегу, от Березины до Молодечно, к ним присоединилось еще до 20 тысяч солдат (из корпусов, оставшихся на флангах). Из общей

массы в 80 тысяч человек 40 тысяч погибли на пути от Березины до Вильны: большая часть — между Молодечно и Вильной, и еще очень многие — между Вильной и Неманом.

Описать, что творилось в дни отступления от Березины до Вильны и от Вильны до Ковно, никому из переживших этот путь не удалось. Они прерывали рассказ, говоря, что словами нельзя передать все, что они видели. Дорога на десятки километров была усеяна валявшимися трупами. Кое-где солдаты делали себе берлоги из трупов товарищей, сложенных накрест, как укладываются бревна при постройке сарая или избы.

На рассвете 14 декабря началась перестрелка с русскими — очень, впрочем, небольшим отрядом, который добрался до Ковно и пытался воспрепятствовать переходу Нея через Неман. В восемь часов вечера 14 декабря 1812 года, уже переправив свой отряд на прусский берег, маршал Ней со свитой из нескольких офицеров последним перешел через мост.

Обо всех этих трагических событиях императору докладывали уже в Париж: 6 декабря Наполеон в местечке Сморгонь покинул армию, передав главное командование ее остатками королю неаполитанскому Мюрату.

Для Наполеона «русский поход» был только проигранной партией. Он уже был поглощен новой, готовившейся кампанией и обдумывал, как победить в ней.

Тогда он еще не знал, что рана, нанесенная ему в 1812 году, окажется неизлечимой и разрушит его мировую империю.